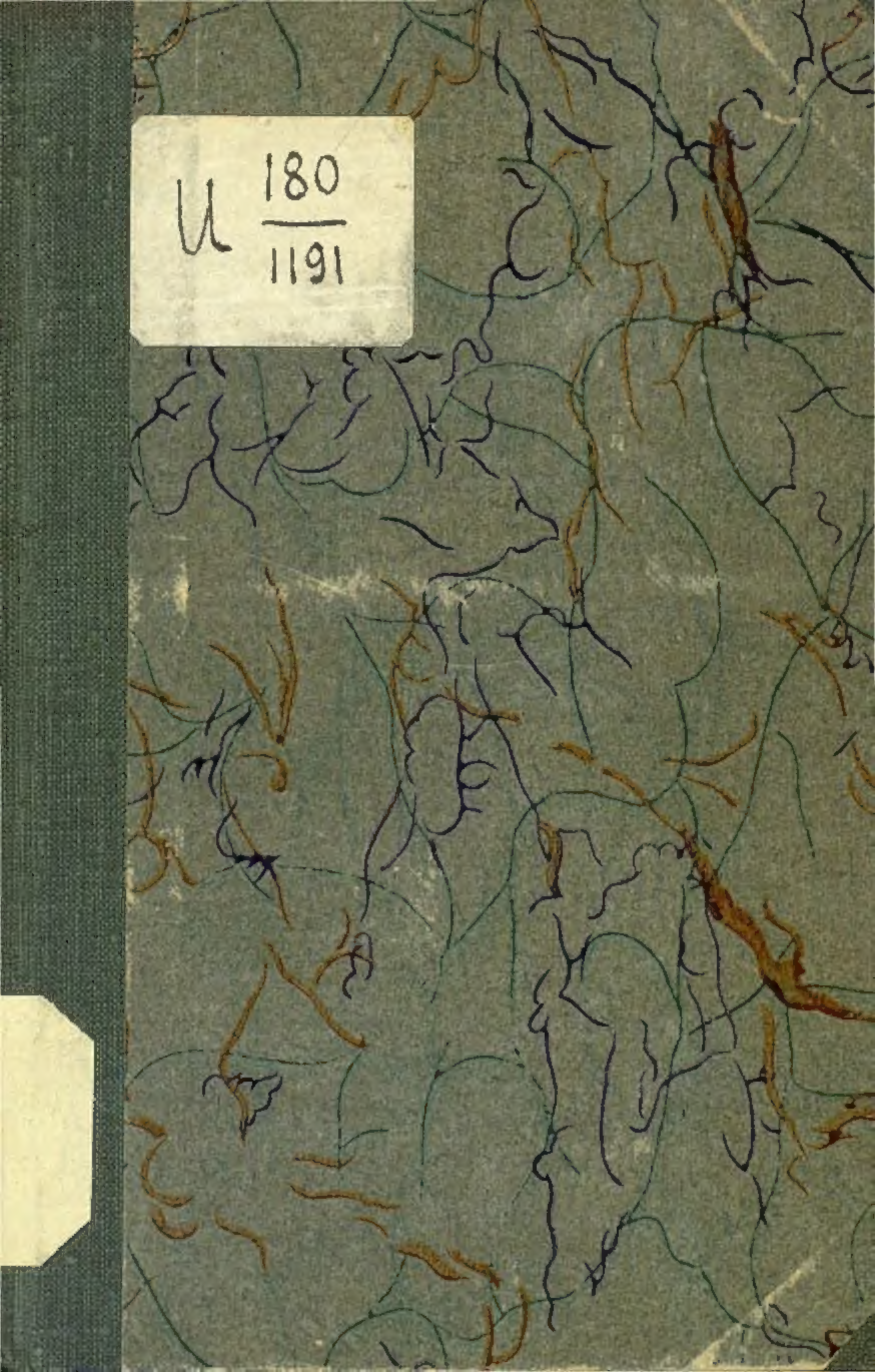

И 180/1191

БІОГРАФІЯ

КНЯЗЯ ПАВЛА АЛЕКСАНДРОВИЧА

ШИРИНСКАГО-ШИХМАТОВА,

Почетнаго Директора

БОГОУГОДНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ,

УѢЗДНАГО СУДЬИ

И

ЧЛЕНА ТЮРЕМНАГО КОМИТЕТА,

ВЪ ГОРОДѢ МОЖАЙСКѢ.

„Рабе благій и вѣрный, о малѣ былъ ми еси вѣренъ, надъ многими тя поставлю, вниди въ радость Господа Твоего.“ Матѳ. XXV—21.

„Я Князь, коль мой сіяетъ духъ,
Владѣтель, коль страсьми владѣю,
Болярин, коль за всѣхъ болѣю,
Царю, Закону, Церкви другъ.“

Державинъ.

МОСКВА.
Въ Университетской Типографіи.
1848.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи, до выпуска изъ Типографіи, было представлено въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ сей книги. Августа 20 дня 1847 года.

Ценсоръ В. Флеровъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ Маѣ мѣсяцѣ 1844 года появилась сперва въ Московскихъ, потомъ въ С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ, слѣдующая статья изъ Можайска:

„Ко всеобщему сожалѣнію, достоуважаемый Уѣздный Судья нашъ, Князь Павелъ Александровичъ Ширинскій - Шихматовъ, истекшаго Апрѣля 25-го числа, кончилъ жизнь.

Послѣдній долгъ покойному отданъ сердцами, преисполненными уваженіемъ и благодарностію къ этому необыкновенному человѣку, прикрывавшему достоинства свои христіанскимъ смиреніемъ. Руководствуясь всегда симъ правиломъ, покойный Князь

сдѣлалъ распоряженіе, чтобы тѣло его было предано землѣ безъ всякой мірской пышности, сколь возможно простѣе; но воля его не могла исполниться въ точности, ибо искренняя любовь всѣхъ вообще сословій изъявила готовность участвовать въ погребеніи. Ничто не могло сравниться съ трогательною сценою, когда Можайскаго тюремнаго замка арестанты, непосредственно покровительствуемые и напутствуемые имъ ежедневно въ правилахъ благочестія, испросивъ начальническое дозволеніе проститься съ покойнымъ, съ признательностію покорныхъ дѣтей лобызали прахъ его, обливая слезами.

„Можайскаго Лужецкаго монастыря Архимандритъ со всѣмъ соборомъ и городскимъ духовенствомъ находился при выносѣ, отпѣваніи и погребеніи тѣла. Доблестная мать Марія, Игуменья Спасо-Бородинскаго монастыря, вполнѣ доказала христіанскую любовь и уваженіе къ примѣрной жизни покойнаго, почтя тѣло его похороненіемъ внутри церкви храма Спасителя,

Хоръ монастырскихъ пѣвчихъ, пѣніемъ своимъ проникалъ до глубины сердца каждаго предстоящаго. Духовникъ покойнаго, Священникъ Іоаннъ, говорилъ весьма трогательное слово. Чиновники всѣхъ присутственныхъ мѣстъ, въ мундирахъ, сопровождали тѣло въ церковь и до монастыря, на разстояніи двѣнадцати верстъ пѣшкомъ. Сочлены его, Секретарь, Канцелярскіе чиновники и канцелярскіе служители, изъ дому и до мѣста назначенія, несли тѣло на своихъ рукахъ, не дозволивъ никому изъ постороннихъ принять участія. Значительное число дворянства, даже изъ сосѣдственныхъ уѣздовъ, находилось при отпѣваніи и провожаніи. Стеченіе народа было весьма многочисленно. Въ заключеніе всего, дворянство опустило гробъ въ могилу на рукахъ своихъ.

„Достойному мужу достойное воздаяніе. Вотъ извѣстіе, полученное отъ Можайскаго Предводителя дворянства. Оно довольно выказываетъ въ пользу почившаго съ миромъ; но всѣ знавшіе Князя Пав-

ла Александровича не могутъ безъ чувствъ глубокаго прискорбія и истиннаго уваженія вспомнить о человѣкѣ дѣйствительно необыкновенномъ, и по высоко-благородному характеру, и по христіанскому смиренію. Вся жизнь его была стремленіемъ къ лучшей цѣли современнаго общества въ соединеніи доблести гражданина съ покорностію христіанина, и дай Богъ каждому такъ усердно подвизаться на этомъ поприщѣ. Потеря Князя Ширинскаго-Шихматова чувствительна во всѣхъ отношеніяхъ; отечество потеряло въ немъ добраго, честнаго человѣка, начальство отличнаго чиновника, котораго безпристрастіе и благонамѣренность всегда отличали, подчиненные лишились справедливаго начальника, служившаго образцемъ вѣрнаго слуги Царскаго, а общество, лучшаго изъ сочленовъ своихъ, подававшаго примѣръ добра не словомъ, а дѣломъ. Какъ поучительна жизнь подобныхъ людей! Какъ бы не поблагодарить того, кто приметъ на себя трудъ написать Біографію Князя въ наставленіе современниковъ.“

Въ слѣдствіе сего приглашенія, которого писатель не могъ не почитать относящимся къ его лицу болѣе, нежели къ кому иному, ибо, поистинѣ, ни кому такъ не извѣстна вся жизнь въ Бозѣ почившаго Князя, какъ ему, взялъ онъ на себя, и, съ помощію Божіею, совершилъ сей трудъ.

БІОГРАФІЯ

Князя Павла Александровича Ширинскаго-Шихматова.

ОТДѢЛЕНІЕ I-е.

От рожденія Князя до оставленія имъ военной службы и прибытія на жительство въ село свое *Архангельское.*

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Рожденіе и воспитаніе Князя Павла — Ученіе его вмѣстѣ съ Княземъ Сергіемъ — Опредѣленіе обоихъ въ Морской корпусъ кадетами — Поступленіе Князя Павла въ кадетскіе Офицеры, — и выпускъ изъ Корпуса Князя Сергія—Дружественная связь обоихъ братьевъ — Упражненіе въ словесности Князя Сергія — Прилѣпленіе его къ Поэзіи — Поступленіе въ члены Россійской Академіи и Бесѣды Россійскаго Слова — Поступленіе и Князя Сер-

гія въ кадетскіе Офицеры морскаго корпуса— Откомандированіе его въ дальный морской походъ — Князь Павелъ предлагаетъ себя вмѣсто его и отправляется на Линейномъ кораблѣ въ Средиземное море — Продолженіе повѣствованія о Князѣ Сергіѣ — Стихотворныя его произведенія—Откомандированіе его на флотъ, отправлявшійся къ Шведскимъ берегамъ въ войну со Швеціею—Измѣненіе въ его духѣ— и прилѣпленіе къ духовности — Лира Аполлонова оставлена навсегда — Возвращеніе его въ С.-Петербургъ и постепенное раззнакомленіе съ міромъ — Священная Лира замѣняетъ Лиру Аполлонову—Духовныя его стихотворенія — Духовность возрастаетъ въ немъ до высокой степени—Кончина его въ монашествѣ— Продолженіе о Князѣ Павлѣ—Походъ его и военныя дѣйствія противъ Французовъ, въ первую онаго половину—Разрывъ мира Россіи съ Англіею — Покушеніе флота нашего возвратиться изъ Средиземнаго моря въ Бальтійскіе порты—Неудача въ семъ покушеніи и вхожденіе онаго въ порты дружественныхъ державъ Средиземнаго моря и западныхъ морей Европы—Корабль, на которомъ служилъ Князь Павелъ, съ другимъ линейнымъ кораблемъ входятъ въ Тулонъ, гдѣ простояли всю другую половину сего его похода — Возвращеніе Кня-

зя въ Россію сухимъ путемъ чрезъ Францію, Германію и Пруссію—Пребываніе его во Франціи не произвело въ немъ ни какой перемѣны — Состояніе духа обоихъ братьевъ, опять соединившихся — Духовность Князя Сергія кидается въ глаза Князю Павлу — Скоро они стали другъ друга разумѣть — Князь Павелъ также прилѣпляется къ духовной жизни—Совершенное единомысліе обоихъ братьевъ—Послѣдствія отъ сей перемѣны въ Князѣ Павлѣ.—Раздаяніе бѣднымъ значительной суммы денегъ – Обмѣнъ книгъ изъ библіотеки его — Прилѣпленіе къ чтенію книгъ духовныхъ и нравственныхъ—Домашняя молитва — Частое посѣщеніе Храма Божія—Перемѣна въ знакомствѣ—Наблюденіе постовъ — Отказывается отъ употребленія мяса и рыбы—Отдѣленіе десятины на раздачу бѣднымъ изъ денежныхъ своихъ доходовъ—Нѣжная его совѣсть—Сбереженіе времени—Мірскія удовольствія не влекутъ его уже къ себѣ—Частыя бесѣды духовныя съ людьми благочестивыми—Жительство съ Княземъ Сергіемъ укрѣпляетъ его въ благочестіи—Знакомство и обращеніе Князей съ людьми отличнаго благочестія — Съ Преосвященными, въ С.-Петербургѣ пребывавшими — Тѣсная дружба обоихъ братьевъ не укрывается отъ знакомыхъ ихъ — 1812 годъ и лѣтъ

шесть за онымъ они проводятъ неразлучно— Духовность ихъ возрастаетъ отъ часу болѣе— Вѣсы ума ихъ, вѣсы святилища—Болѣзнованіе ихъ о грѣхахъ своихъ умножается съ ихъ духовностію—Замышленіе Князя Павла объ оставленіи военной службы и удаленіи изъ столицы—Повышеніе его по службѣ—Начальствованіе его состоящими при морскомъ корпусѣ военными судами, фрегатомъ и бригомъ—Благополучное окончаніе сего похода—Благотворное дѣйствіе назидательныхъ бесѣдъ Князя и примѣра его на умы и сердца подчиненныхъ его—Дружелюбіе между Офицерами—Искренность въ обращеніи—Дружественная связь съ успѣхомъ замѣняла строгость военной дисциплины—Миръ и доброе согласіе ненарушалось во всю кампанію—Дальнѣйшее помышленіе Князя о удаленіи отъ міра, который отъ часу болѣе дѣлается ему скучнымъ—Ничтожность вещей міра въ его глазахъ—Устраненіе его отъ грѣховныхъ обычаевъ міра—Отчужденность отъ него миролюбцевъ—Причина рѣшившая наконецъ Князя удалиться, слабое здоровье—Разсужденіе сочинителя о военной морской службѣ—Князь опасается встрѣтить праздность въ деревенской жизни—Полученіе письма Княземъ отъ друга своего изъ деревни—Рѣшительное намѣреніе взять отставку—

Поднесеніе ему отъ подчиненныхъ Офицеровъ передъ самымъ выѣздомъ его изъ С.-Петербурга серебряной чаши, въ знакъ любви и уваженія.

Князь Павелъ Александровичь Ширинскій-Шихматовъ 2) былъ четвертый сынъ Князя Александра Прохоровича Шихматова, помѣщика Московской Губерніи, Можайскаго Уѣзда, и Княгини Ольги Васильевны Шихматовой, дочери помѣщика, Смоленской Губерніи Вяземскаго Уѣзда, отставнаго Инженеръ-Маіора Іевлева. Онъ родился въ 1781 году, Вяземскаго Уѣзда въ сельцѣ Дерновѣ, въ помѣстьѣ матери, гдѣ по увольненіи отъ службы изъ Московской Монетной роты, съ чиномъ Поручика, жилъ отецъ его съ семействомъ своимъ. Князь Александръ Прохоровичь имѣлъ всего девять сыновей и трехъ дочерей. Всѣ сыновья, начиная отъ старшихъ, въ дѣтскомъ ихъ возрастѣ, росли и воспитывались по трое вмѣстѣ. Князю Павлу, въ семъ тройственномъ числѣ, довелось въ во-

спитаніи пользоваться попеченіемъ родительскимъ вмѣстѣ съ Княземъ Сергіемъ. Вмѣстѣ начали ихъ учить грамотѣ; вмѣстѣ окончивъ русскую грамоту, начали они ходить въ классъ къ учителю иностранцу, у котораго уже прежде ихъ учились старшіе ихъ братья; вмѣстѣ во всѣхъ наукахъ начинали они всякую часть, вмѣстѣ и кончали. Когда дѣтямъ послѣ классовъ давали нѣсколько часовъ свободнаго времени для рекреаціи, всѣ они бѣгали, играли и рѣзвились также по трое вмѣстѣ, какъ сидѣли въ классѣ и за обѣденнымъ столомъ.

Князь Александръ Прохоровичъ кончилъ жизнь въ 1794 году на сорокъ пятомъ году отъ рожденія. Княгиня, оставшись вдовою съ такимъ множествомъ дѣтей, и больше сыновей, изъ которыхъ только двое старшихъ записаны были въ службу сержантами Гвардіи, и бывъ женщина очень набожная, возложила все свое упованіе на Бога, и съ Его помощію начала дѣятельно заботиться объ опредѣленіи въ казенныя учебныя заведенія тѣхъ

сыновей, которыхъ, по лѣтамъ ихъ, можно было туда помѣстить. Наступившей же зимою, старшій изъ всѣхъ братьевъ повезъ въ С.-Петербургъ Князя Павла и Князя Сергія съ третьимъ среднимъ между ними братомъ. Князя Павла и средняго брата тогда же онъ помѣстилъ въ Морской Корпусъ кадетами, а младшій Сергій поступилъ туда не прежде какъ черезъ годъ.

По выпускѣ изъ Корпуса 1798 года, Князь Павелъ оставленъ былъ при Корпусѣ Кадетскимъ Офицеромъ, а Князь Сергій, остававшійся въ корпусѣ за малолѣтствомъ, и выпущенный два года послѣ него, по особеннымъ своимъ талантамъ, и какъ первый по выпуску, помѣщенъ былъ сотрудникомъ въ учрежденный при Адмиралтействъ-Коллегіи Ученый комитетъ. Съ сей ранней молодости составилась между обоими братьями крѣпкая связь дружества. Кромѣ ближайшаго родства много содѣйствовали къ такому соединенію ихъ: одинакій возрастъ, одинакое воспитаніе и одинакая склонность

къ наукамъ. Хотя въ то время неопытной, пылкой молодости, не столько душевная, вѣчная польза, сколько временное отличіе и возвышеніе были цѣлію упражненія ихъ въ наукахъ, но тѣмъ уже много оно имъ пользовало, что отдаляло отъ праздной и разсѣянной жизни, порождающей всѣ пороки.

Князь Сергій, одаренный отличными способностями ума, и получившій въ Корпусѣ хорошее образованіе, вдался въ словесность, и особенно прилѣпился къ Поэзіи, въ которой его необыкновенные таланты, съ ранней молодости, показали въ немъ знаменитаго Поэта. Съ раннихъ еще лѣтъ онъ издалъ, одно за другимъ, нѣсколько стихотворныхъ своихъ произведеній, по которымъ онъ не токмо сталъ извѣстенъ публикѣ, но и принятъ былъ въ Члены Россійской Академіи и бесѣды Россійскаго слова.

Князь Павелъ, хотя не могъ слѣдовать въ наукахъ за быстрымъ полетомъ Князя Сергія, но также съ ранняго воз-

раста возлюбилъ чтеніе и ученіе; и хотя онъ не писалъ стиховъ, однако же, по тогдашнему общему вкусу, занимался чтеніемъ стихотвореній, какъ на Русскомъ. такъ и на Французскомъ языкахъ; читалъ и прозаическихъ лучшихъ авторовъ на обоихъ сихъ языкахъ, которые образовали его вкусъ, и дали ему въ словесности тотъ взглядъ, по которому онъ могъ разпознавать лучшія и отличнѣйшія произведенія писателей.

Въ 1804 году Князь Сергій поступилъ также въ Морской Корпусъ Кадетскимъ Офицеромъ. Въ сіе время сдѣлался онъ еще знаменитѣе по своимъ талантамъ; а чрезъ него и Князю Павлу открылось знакомство съ знатнѣйшими въ С.-Петербургѣ государственными людьми.

Въ 1805 году Князь Сергій, служа при Морскомъ Корпусѣ, командированъ былъ въ званіи начальника надъ Гардемаринами 3) на Эскадру 4), отправлявшуюся въ Средиземное море, къ Іоническимъ островамъ. Это обстоятельство во многомъ по-

перечило его видамъ на поприщѣ словесности. Благодѣтели его совѣтывали ему такъ продолжать военную службу, чтобы не лишать себя возможности быть полезнымъ и для Русской Словесности, а съ тѣмъ вмѣстѣ и Князь Павелъ предложилъ себя вмѣсто его, охотно соглашаясь занять на Эскадрѣ его мѣсто начальствующаго надъ Гардемаринами. Сія добровольная, съ обѣихъ сторонъ, мѣна была отъ начальства уважена, и одинъ изъ нихъ, не покидая меча́, продолжалъ заниматься съ перомъ, а другой съ мечемъ и руперомъ 5) поплылъ въ Средиземное море.

Оставимъ его преплывающимъ всѣ моря отъ Кронштата до острововъ Адріатическаго моря. Между тѣмъ продолжимъ и докончимъ все, что предполагаемъ упомянуть о Князѣ Сергіѣ, начавшемъ земную свою знаменитость на поприщѣ литературы, и перешедшемъ потомъ на поприще строгой монашеской жизни и высокой набожности.

Сіе отступленіе наше будетъ потому неллишнее, что Князь Сергій, первый, съ помощію Божіею, вдохнулъ въ Князя Павла тотъ духъ благочестія, который его, изъ добраго человѣка по міру, сдѣлалъ ревностнымъ Христіаниномъ, дѣятельнымъ членомъ общества и подвижникомъ на пользу ближнихъ.

Года три еще Князь Сергій продолжалъ заниматься литературою попрежнему. Между многими мелкими его стихотвореніями появлялись, одно за другимъ, и довольно значительныя, каковы суть: двѣ Лирическія поэмы, первая: *Пожарскій, Мининъ и Гермогенъ*, вторая: *Петръ Великій*, и переведенное съ Англійскаго языка на Русскій Стихотвореніе: *Опытъ о Критикѣ*.

1808 года, когда, по недостатку въ Кронштатѣ Морскихъ Офицеровъ, командированы были на флотъ Офицеры Морскаго Корпуса, поступилъ и Князь Сергій на Адмиральскій корабль *Благодать*, Флагъ-офицеромъ къ Адмиралу Ханыкову.

Этотъ годъ есть та эпоха, въ которую, нетокмо блистательные его таланты, употребляемые имъ дотолѣ для предметовъ міра, обращены были къ прославленію имени Божія, и для предметовъ духовныхъ, но и великая его душа почувствовала гладъ, неутоляемый ничѣмъ отъ міра. Желаніе его пріобрѣсти Евангельскій бисеръ сдѣлало его равнодушнымъ ко всѣмъ мірскимъ честямъ и достоинствамъ. Такая необычайная духовность родилась въ немъ тогда, когда флотъ нашъ, въ продолженіи цѣлаго мѣсяца, почти ежедневно готовился вступить въ сраженіе съ непріятелемъ (соединенными Англійскимъ и Шведскимъ флотами) въ двое его сильнѣйшимъ. Обстоятельство сіе заставило его обратить все свое вниманіе на прошедшую свою жизнь, на холодность свою въ вѣрѣ. Міръ со всѣми приманками показался ему за ничто; а жизнь будущая открыла предъ нимъ всю свою важность. Вѣчность, страшная вѣчность для нераскаянныхъ грѣшниковъ, вѣчность могущая постигнуть его

сей день, сей часъ, предстала ему во всемъ томъ ужасѣ, въ которомъ она является обращающемуся грѣшнику, трепещущему впасть въ нее съ грѣхами, покаянiемъ неизглаженными. Какъ громомъ пораженъ онъ былъ мыслiю, что можетъ нынче же предстать предъ Судъ Бога, не примирившись съ нимъ посредствомъ тѣхъ способовъ, которые доставляетъ вѣра; и онъ, подобно великому Апостолу, повергся долу предъ Богомъ во смиренiи и въ страхѣ, и съ сей минуты, подобно ему же, сдѣлался горячайшимъ любителемъ и ревностнѣйшимъ послѣдователемъ Господа Iисуса, посѣтившаго его, такимъ образомъ, благодатiю своею, и насадителемъ благочестiя повсюду, гдѣ находилъ къ тому возможность, особенно же въ сердцахъ юныхъ дѣтей, врученныхъ его попечительности. Подлинно и у него, какъ чешуя, спала съ духовныхъ очей; ибо онъ съ сей поры сталъ на все смотрѣть просвѣщенными очами. Съ сего времени Лира Аполлонова, которую уже и до сего онъ отложилъ, почув-

ствовавъ неприличнымъ для Христіанина, осіяваемаго свѣтомъ истины, отъ языческаго баснословія, отъ лжи и выдумки заблуждавшихся умовъ, искать силы и украшенія своему слову, была покинута навсегда.

Возвратясь изъ сего непродолжительнаго похода опять въ С. Петербургъ, какъ самъ онъ не могъ безъ соболѣзнованія взирать на тотъ міръ, съ которымъ онъ до похода находился въ тѣсной связи, такъ равно и міръ не могъ не замѣтить, что цѣль его жизни и всѣхъ его дѣлъ совершенно измѣнилась. Такое разномысліе и несогласіе его съ міромъ, чрезъ нѣсколько времени, и его охладило къ міру, и міръ къ нему. Онъ, въ послѣдствіи времени, съ помощіею Божіею, научился, живучи въ мірѣ и дѣйствуя къ пользѣ общества, не прилѣпляться къ міру, не подражать ему ни въ чемъ, научился пребывая на земли, имѣть житіе свое на небесахъ. Аполлонову Лиру замѣнила ему Лира Священная. Съ сего времени всѣ его стихо-

творенія заключали въ себѣ прославленіе Имени Божія и высокую нравственность святѣйшей нашей вѣры. Изъ нихъ отличными произведеніями суть: 1. *Ночь на гробахъ*, 2. *Пѣснь Россу*, за которую блаженной памяти Государь Императоръ Александръ Павловичь всемилостивѣйше пожаловалъ ему значительную пенсію, 3. *Ночь на размышленія*, 4. *Пѣснь Сотворившему вся*, за которую Россійская Академія наградила его перваго достоинства золотою медалью, вѣсомъ во сто червонныхъ, и 5. *Іисусъ въ ветхомъ и новомъ Завѣтахъ*, или *Ночи у Креста*.

Но чтобы не продолжить сего отступленія чрезъ мѣру, я, доведши здѣсь описаніе жизни Князя Сергія до того обстоятельства, которое въ жизни Князя Павла произвело большую перемѣну, окончу оное, присовокупивъ, что начавшаяся здѣсь духовность Князя Сергія росла постепенно, и наконецъ возрасла до той степени, что, возненавидѣвъ вся красная міра и Единаго Бога возлюбивъ, онъ вступилъ

въ монашество, и, имѣя духъ воспламененный огнемъ Божественныя любви, съ вѣрою живою, и твердою надеждою отошелъ ко Господу, какъ повѣствуется о немъ въ его Жизнеописаніи 6).

Послѣдуемъ теперь за Княземъ Павломъ, воспріявъ нить нашего повѣствованія о немъ. Походъ его морской продолжался около пяти лѣтъ, которыхъ первую половину онъ, служа на линейныхъ корабляхъ, провелъ въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ Французовъ, занимавшихъ вмѣстѣ съ *Рагузою* и *Боко ди Катаро* острова Адріатическаго моря, которые, въ послѣдствіи времени, были взяты отдѣленной на сей предметъ отъ нашего флота эскадрою. По сему то его пребыванію въ Адріатикѣ, ему неудалось быть въ генеральномъ сраженіи съ Турецкимъ флотомъ, при горѣ Аѳонской, въ которомъ нашъ флотъ нанесъ немалый вредъ непріятелю и взялъ одинъ линейный корабль. Эскадра, на которой находился Князь Па-

велъ, имѣла дѣла лишь съ береговыми укрѣпленіями.

Другая половина сей его продолжительной кампаніи началась по заключеніи мира Россіи съ Франціей и по объявленіи войны Англіи въ 1807 году. Флоту нашему, въ Средиземномъ морѣ находившемуся, предъ сей важной перемѣною въ политическихъ обстоятельствахъ, предписано было съ поспѣшностію возвратиться въ Бальтійскіе наши порты. Но оный, какъ извѣстно, не могъ обогнуть большой половины Европы, прежде нежели начались со стороны Англичанъ непріязненныя дѣйствія. Большая часть флота нашего вошла въ устье Тага. Три линейные корабля остались въ Тріестѣ, а два другіе, на одномъ изъ которыхъ Князь Павелъ служилъ Лейтенантомъ, бывъ вмѣстѣ и Кадетскимъ Офицеромъ при флотѣ, не успѣвъ отправиться со флотомъ изъ *Корфу* принуждены были, укрываясь отъ поисковъ Англійскаго флота, сперва простоять болѣе полугода въ *Порто Феррайо*,

что на островѣ *Эльбѣ*, а потомъ перейти въ Тулонъ. Здѣсь сія небольшая эскадра наша, присоединившись къ Французскому флоту, блокируемому Англійскимъ флотомъ, простояла около двухъ лѣтъ, вовсе не вступая подъ паруса.

Въ 1810 году оба корабля сданы были Французамъ, а команда съ нихъ отправлена была въ Россію сухимъ путемъ. Князь Павелъ, служа при начальникѣ сей эскадры, въ бытность во Франціи, долженъ былъ не рѣдко посѣщать шумныя общества и видѣть міръ въ томъ блескѣ, въ какомъ онъ едва ли представляется въ иномъ какомъ Государствѣ. Франція есть та страна, которой мірскіе обычаи строго соблюдаются во всѣхъ обществахъ, одушевляемыхъ духомъ міра. Послѣдователи міра внѣ Франціи подражаніями своими заимствуютъ ихъ не изъ первыхъ рукъ, а потому подражаніе сіе не можетъ быть такъ близко къ оригиналу, какъ заимствованіе оныхъ въ самой Франціи, гдѣ для подражанія представляется

не копія уже, а самый оригиналъ. Судя по сему, двухъ-лѣтнее Князя Павла тамъ пребываніе, сіе обращеніе его въ большомъ свѣтѣ въ полномъ смыслѣ слова, должно было возвратить его въ Россію уже съ духомъ совсѣмъ противуположнымъ тому, который въ Князѣ Сергіѣ, съ помощію Божіею, отчасу болѣе укоренялся, какъ видѣли выше. Этого однако же, благодаря Бога, соблюдшаго его отъ неприязни, не оказалось. Дѣйствительно онъ далекъ былъ отъ той степени духовности, до которой достигъ Князь Сергій, но добрыя его свойства благодать Божія сохранила неприкосновенными для вражіей силы. Всего порочнаго онъ бѣгалъ и предосудительнаго удалялся. Вѣра отцевъ и православіе нашей церкви, всегда ему любезнѣйшія, были всегдашними его хранителями. Но при такой разсѣянной жизни во Франціи и въ Парижѣ, какую онъ долженъ былъ вести по самой обязанности службы, дивноли, что онъ иногда чувствовалъ себя холоднымъ христіаниномъ. Въ

прочемъ, холодность эта не имѣла вліянія на тѣ правила религіи и святой ея нравственности, которыя вѣра издѣтска расположила въ его сердцѣ.

Такимъ образомъ, послѣ пяти-лѣтняго отсутствія, Князь Павелъ возвратился къ своей должности, и опять по прежнему сталъ отправлять званіе Кадетскаго Офицера въ Морскомъ Корпусѣ, живучи въ однихъ покояхъ съ Княземъ Сергіемъ. Парижскій путешественникъ не могъ не замѣтить въ Князѣ Сергіѣ такой важной перемѣны, какая была описана выше, а сравнивая свою остылость съ его жаромъ, съ его пламенѣющей духовностію, не могъ не видѣть, какъ онъ, отдалившись отъ отечественнаго края, отдалился и отъ того вліянія живительной теплоты вѣры, которая согрѣваетъ, питаетъ, возращаетъ въ душахъ, православной евангельской проповѣдію насѣваемое слово. Не много прошло времени, какъ они другъ друга стали хорошо разумѣть. Князь Павелъ, возвративъ въ Россію умъ свой, хотя нѣсколько

по иностранному настроенный, принесъ его однакоже домой ни мало не предубѣжденнымъ противъ отечественной вѣры, которая вновь свѣтло озаривъ его изъ устъ Князя Сергія, готоваго, по любви своей къ брату, излить предъ нимъ, если бы это было нужно, всю силу неопровергаемыхъ истинъ евангельскихъ, побѣждающихъ всякое суемудріе и покаряющихъ разумъ въ послушаніе вѣры, — въ скоромъ времени воспламенила огнемъ божественныя любви то сердце, гдѣ любовь сія всегда имѣла свою обитель; но можетъ быть не такъ высоко была превознесена, какъ приличествуетъ верховной христіанской добродѣтели. Стоило только любви братской указать всю важность вѣры Православной, чтобы ему, возведя ее надъ всѣми пристрастіями, имѣть небеснымъ своимъ спутникомъ, всегдашнимъ своимъ руководителемъ.

Сей возобновленный и крѣпчайше соединяющій ихъ союзъ утвердилъ ихъ совершенное единомысліе на всю жизнь. Занятія Сергія сдѣлались занятіями Павла.

Тѣже правила жизни, таже набожность, тоже знакомство, тѣже одобренія вещей, тѣ же и порицанія, словомъ, одинъ и тотъ же духъ дѣятельнаго евангельскаго ученія одушевлялъ обоихъ. Братья по плоти, они еще болѣе были братьями по духу. Вдругъ, мгновенно все ветхое въ Князѣ Павлѣ истребилось, и *се вся быша нова.* Сіе измѣненіе въ немъ первѣе всего оказалось тѣмъ, что остававшаяся у него отъ заграничнаго пяти-лѣтняго похода, и выданная ему по возвращеніи въ Россію, значительная сумма денегъ (нѣсколько тысячь рублей) была вся роздана неимущимъ, въ большемъ или меньшемъ количествѣ вручаемая, смотря по нуждамъ каждаго. Библіотека его, изъ немалаго числа книгъ русскихъ и иностранныхъ состоявшая, получила значительное преобразованіе. Все, хотя мало устраняющее умъ отъ прилѣпленія къ вѣрѣ и благочестію, изгонялось изъ нее. Чтеніе книгъ духовныхъ съ выписками изъ нихъ, сдѣлалось пріятнѣйшимъ его упражненіемъ, сдѣла-

лось ежедневнымъ, постояннымъ его занятіемъ. Домашняя молитва стала непремѣннымъ его долгомъ. Посѣщеніе храма Божія не одними праздничными днями ограничивалось, но и будни стали видѣть его рано, на зарѣ и до свѣту, шествующаго въ Церковь Божію. Знакомство его съ послѣдователями міру ограничивалось однимъ благоприличіемъ, тогда какъ связь его съ людьми духовными и съ нимъ единомысленными, сдѣлалась крѣпкой, дружественной. Въ постѣ, который доселѣ, или вовсе несоблюдался, или соблюдался съ большимъ снизхожденіемъ, для одного благоприличія, для нѣкотораго успокоенія совѣсти, и въ мірѣ иногда неумолкающей, онъ сталъ сообразоваться съ правилами, и строго слѣдовать постановленіямъ Церкви; и, какъ бы для отмщенія своей прежней чувственности, отвлекшей его отъ церковныхъ правилъ, простеръ постъ даже до всегдашняго лишенія себя и того, что Церковь не возбраняетъ въ дозволенное время, именно, употребленія мяса и рыбы,

и много умѣрилъ себя въ принятіи пищи, ограничиваясь и въ мясоѣдъ двумя блюдами за обѣдомъ и однимъ за ужиномъ. Милостыня вошла также въ непремѣнную его обязанность. Для отвращенія же невозможности помогать неимущимъ въ представляющихся не рѣдко случаяхъ, онъ завелъ у себя десятинную сумму, которая составлялась откладываніемъ отъ получаемыхъ имъ суммъ своего дохода, одной десятой доли, которая бывъ такимъ образомъ освящена назначеніемъ своимъ, оставалась неприкосновенной ни для какого другаго употребленія, кромѣ милостыни и прочихъ богоугодныхъ издержекъ. Многіе слыхали его о сей десятинной суммѣ такъ разсуждающимъ: она лежа въ кошелькѣ съ прочими деньгами, оставляемыми на собственныя мои нужды, охраняла ихъ отъ злоупотребленія, не допуская дѣлать иныхъ издержекъ, кромѣ тѣхъ, которыя дозволяли законъ и совѣсть. Такимъ образомъ для милостыни всегда имѣлась у него въ откладываемой долѣ, изъ

всего его прихода денегъ, готовая сумма, которая, хотя продолжала носить на себѣ названіе десятины, но въ сущности своей, не переставала, въ теченіи времени, умножаться, такъ что предъ смертію его она возрасла значительно.

Совѣсть его сдѣлалась такъ нѣжной, что и самомалѣйшее оскорбленіе, на несенное отъ него ближнему, сильно его тревожило и много безпокоило, доколѣ онъ не примирялся совершенно съ оскорбленнымъ отъ него. Это чувство его, въ послѣдствіи времени, имѣло такое благотворное вліяніе на его нравъ, что незлобіе сдѣлалось отличительнымъ свойствомъ его характера.

Время, которое въ молодости расточалось безъ цѣли, безъ намѣренія, теперь съ такою бережливостію издерживалось и на необходимыя житейскія потребности, что минутъ достаточно было на то, на что прежде расточаемы были цѣлые часы. Времени на отдохновеніе употреблялось лишь столько, сколько для во-

зобновленія силъ было потребно; все прочее провождаемо было въ полезныхъ трудахъ и упражненіяхъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ благодать Божія, такимъ образомъ, коснулась его сердца, мірскія удовольствія лишились въ глазахъ его всей своей привлекательности. Онъ ясно увидѣлъ тогда всю тщету міра и всѣхъ тѣхъ его утѣхъ, за которыми миролюбцы гоняются, и почувствовалъ влеченіе духа своего къ благамъ небеснымъ, неспремѣняемымъ. Господь отверзъ ему очи, видѣть вещи точно такими, какими онѣ суть въ самомъ дѣлѣ, а не такими, какими онѣ не рѣдко представляются нашему обманчивому воображенію. За симъ свойственно ему было алкать бесѣдъ духовныхъ, которыя онъ, ища тщательно, и находилъ въ обществѣ людей съ нимъ единомысленныхъ. Бесѣды съ мудрыми и благочестивыми людьми, съ особеннымъ удовольствіемъ производимыя, отчасу болѣе привязывали его къ предметамъ духовнымъ, отчасу болѣе обогащали его

умъ богатствомъ небеснымъ. Много, дѣйствительно, при помощи Божіей, содѣйствовало ему къ возращенію въ благочестіи, жительство его и всегдашняя его бѣсѣда съ Княземъ Сергіемъ, который не только самъ пользовалъ ему въ семъ отношеніи, но имѣя уже не мало знакомыхъ въ С. Петербургѣ, изъ людей извѣстныхъ по своему благочестію, ввелъ его къ нимъ, и тѣмъ подалъ случаи Князю Павлу многое заимствовать отъ высокой духовности ихъ. Оба они имѣли близкой доступъ ко всѣмъ Преосвященнымъ, жившимъ тогда въ С. Петербургѣ, и не рѣдко имъ пользовались. Невскій монастырь былъ также часто ими посѣщаемъ. Составившаяся между обоими братьями, по совершенному единодушію ихъ, тѣсная дружба была замѣчаема, не токмо отъ близкихъ знакомыхъ, но и отъ прочихъ. Бывъ оба малаго роста, въ одинакихъ мундирахъ, и имѣя нѣкоторое фамильное сходство въ чертахъ лица, они нерѣдко были принимаемы одинъ за другаго.

Въ такомъ положеніи дѣлъ протекъ бурный 1812 годъ, который, вмѣстѣ съ шестью послѣдовавшими за нимъ, они провели неразлучно. Непрестанно возраставшая въ нихъ духовность представляла имъ всѣ предметы въ томъ видѣ, въ какомъ Христіанамъ, пришельцамъ здѣсь и странникамъ, поспѣшающимъ въ небесное свое отечество, взирать на нихъ должно. Вѣсы ихъ въ сужденіяхъ, были всегда вѣсы святилища.

При всей однакоже духовности, совѣсть не переставала тревожить ихъ, показывая имъ не мало дѣлъ такихъ, которыя не должно было дѣлать, и мало тѣхъ, которыя должно было дѣлать, показывая и самое покаяніе таковымъ, что нужно было омывать оное новымъ покаяніемъ, и слезы новыми слезами.

Наступилъ 1817 годъ. Князь Павелъ, коего здоровье было не совсѣмъ крѣпкое, хотя и желалъ отдохнуть послѣ долговременной морской военной службы, но

опасаясь скуки отъ встрѣтившей его въ деревнѣ праздной жизни, послѣ продолжительной дѣятельной службы, не могъ рѣшиться на сіе. Между тѣмъ онъ по службѣ былъ такъ повышенъ, что уже долженъ былъ самъ начальствовать. Сіе обстоятельство придало ему не токмо заботъ и попеченій, но и отвѣтственности.

Въ 1818 году, онъ начальствуя состоящими при Морскомъ Корпусѣ двумя военными судами, фрегатомъ, котораго онъ былъ Капитаномъ, и бригомъ, отряженъ былъ къ устью Невы, чтобы маневрируя тамъ, обучать морской практикѣ Гардемаринъ и Кадетъ, составлявшихъ экипажи сихъ судовъ.

Съ помощію Божіею благополучно окончилъ онъ этотъ походъ, въ продолженіи котораго назидательныя бесѣды, а паче примѣръ Князя, руководствовавшагося во всемъ Евангельскими правилами, такъ сильно подѣйствовали на подчиненныхъ ему Офицеровъ, что возбудили и въ нихъ

желаніе подражать ему. Отъ сего такое взаимное благорасположеніе, такая любовь и искренность появились между ними, что кругъ ихъ можно было почитать кругомъ друзей, въ которомъ, съ одной стороны, почтеніе и уваженіе отъ младшихъ къ старшимъ не дозволяли свободному ихъ обращенію премѣняться въ нетерпимую между начальникомъ и подчиненными фамиліарность, а съ другой, боязливая осторожность не лишала той свободы въ сужденіяхъ, безъ которой рѣчь бываетъ всегда принужденной и разговоръ скучнымъ.

Сія дружественная связь, сія искренняя любовь отъ подчиненныхъ къ уважаемому начальнику, замѣняла строжайшую дисциплину въ отправленіи каждымъ изъ Офицеровъ своего дѣла; такъ что во всю кампанію, въ продолженіи которой, въ воздухѣ нерѣдко собирались надъ пловцами черныя тучи и производили громы и бури, — гроза отъ военной дисциплины вовсе не появлялась; горизонтъ и небо ихъ дружественнаго общества никогда не пом-

рачались: въ душахъ ихъ было одно радостное солнце-сіяніе.

Возвратясь изъ сего похода, Князь Павелъ началъ серьезнѣе помышлять объ удаленіи отъ столичнаго шума. Ему было отъ роду тридцать семь лѣтъ. Пылкая молодость давно уже минула. За ней послѣдовали лѣта разсудительной зрѣлости. Что прежде доставляло удовольствіе, теперь его уже вовсе не занимало. Много онъ бродилъ по свѣту, и моремъ и сушею, многое видѣлъ въ жизни своей, о многомъ изъ того, чего не видалъ глазами, получилъ понятіе изъ книгъ и отъ обращенія съ людьми учеными и опытными. Но пустоты, которую ощущалъ въ душѣ своей, ни чемъ не могъ наполнить. Все мірское, суетное не насыщало его духа, который алкалъ не земной пищи. Любовь его къ ближнимъ, возрастая вмѣстѣ съ духовностію, отваживалась иногда останавливать ихъ въ поступкахъ, міромъ дозволяемыхъ, но не допускаемыхъ вѣрою. Чрезъ сіе возбуждалъ онъ къ себѣ недоброжела-

тельство и неблагорасположеніе, такъ что продолжая жить въ томъ же мѣстѣ и съ тѣми же людьми, онъ видѣлъ себя странникомъ, по отчужденности и устраненію отъ него всѣхъ съ нимъ разномыслящихъ. Міръ увольнялъ его удалиться, прежде нежели онъ самъ рѣшался на сіе. Но вотъ рѣшиться на сіе приходилось и самому ему по слѣдующей причинѣ.

Князь въ службѣ своей, какъ сказано выше, приближался къ тому времени, въ которое, оставивъ Корпусъ, долженъ былъ продолжать дѣйствительную по флоту службу въ званіи начальника. Хотя духъ его не отказывался отъ сего служенія, но слабое тѣло заставляло его взвѣсить свои силы, прежде нежели рѣшиться на то.

Хотя и всякая военная служба требуетъ, чтобы отправлять ее неопустительно, но опущеніе во всякой другой, особенно въ мирное время, не съ такимъ вредомъ сопряжено бываетъ, какъ въ дѣй-

ствительной службѣ на морѣ. Во флотѣ, часть собственно морская, опущенія равно не терпитъ, какъ въ мирное время, такъ и въ военное. У моряковъ, если и нѣтъ войны съ приморскими державами, то всегдашняя война со стихіями. Берегъ угрожаетъ имъ крушеніемъ, вѣтръ и вода потопленіемъ, огонь сожженіемъ и взрывомъ на воздухъ.

Въ слѣдствіе сего необходимо требуется отъ морскаго офицера, особенно въ званіи капитана, и искуство, и бдительность и мужество, и присутствіе духа и прочія способности хорошаго морскаго начальника, а съ ними вмѣстѣ и здоровье не слабое; ибо слабое здоровье, при всѣхъ способностяхъ, можетъ быть причиною нерѣдкихъ опущеній.

Князь Павелъ, взглянувъ на свое здоровье и обозрѣвъ оное въ себѣ съ головы до ногъ, долженъ былъ въ совѣсти своей сознаться, что если прочіе его таланты и могли соотвѣтствовать требованіямъ къ

составленію морскаго офицера-начальника, одинъ болѣе, другой менѣе, по сей по справедливости не могъ равняться съ прочими. Здоровье свое онъ значительно разстроилъ въ своемъ Средиземно-морскомъ походѣ, и только переѣздомъ изъ Тулона до С.-Петербурга, при его молодыхъ лѣтахъ, могъ нѣсколько поправить оное; но отнюдь не поставилъ въ такое положеніе, чтобы соотвѣтствовать требованію военной морской службы въ званіи начальника. Сія утрата, сія слабость здоровья была тою причиною, которая препятствуя дальнѣйшему продолженію службы Князя, располагала его удалиться въ свое село, не подалеку отъ родины.

Въ деревенской жизни Князь ничего такъ не опасался, какъ праздности. Въ самомъ дѣлѣ, привыкши съ ранней молодости вести жизнь дѣятельную, онъ долженъ былъ страшиться бездѣйствія, которымъ угрожаетъ деревня всѣмъ удаляющимся въ нее для отдохновенія. Отдохновеніе пріятно послѣ трудовъ; безъ трудовъ же нѣтъ от-

дохновенія, а потому не ощущается и пріятностей онаго. Кто занимается дѣломъ весь день, тому, дѣйствительно, часъ, другой отдохновенія весьма пріятенъ. Кто же занимается дѣломъ одинъ часъ, или и того менѣе, тому цѣлый день отдохновенія весьма тяжекъ.

При такомъ опасеніи встрѣтить праздность въ деревенской жизни, Князь Павелъ получаетъ письмо отъ одного изъ друзей своихъ, изъ котораго усмотрѣлъ, что сей, живучи уже другой годъ въ деревнѣ, не токмо не скучалъ отъ праздности, но и очень мало имѣлъ свободнаго времени, упражняясь въ занятіи, которое предстало ему тотчасъ по пріѣздѣ въ деревню. Занятіе сіе составлялъ присмотръ за деревенскою школою крестьянскихъ дѣтей и за обученіемъ религіи и нравственности всѣхъ его взрослыхъ крестьянъ. Первое производилось ежедневно, а послѣднее только по воскреснымъ днямъ. Упражненіе его съ школою занимало столько времени въ продолженіи дня, что не много оставалось ему онаго на собственныя

свои книжныя занятія и на дѣла хозяйственныя. Извѣстіе сіе много расположило Князя въ пользу деревенской жизни. Измаленька склонный къ ученію и къ обученію другихъ, онъ видѣлъ себѣ въ деревнѣ занятія совершенно по его духу, и мысль объ утомительной праздности въ деревнѣ его уже не тревожила. За симъ онъ отъ часу болѣе склонялся промѣнять столичную жизнь и военную службу на жизнь деревенскую, и свои помѣщичьи обязанности.

Наконецъ сельская, отъ міра удаленная жизнь, жизнь не праздная, жизнь между обязанностями Христіанина и помѣщика провождаемая, жизнь и къ укрѣпленію здоровья мною служащая, такой приложила вѣсъ къ причинамъ, благопріятствующимъ ея выбору, на вѣсахъ его ума, что перевѣсила всѣ препоны, препятствовавшія оному дотолѣ. За симъ онъ уже не долго размышлялъ. Разлука съ Княземъ Сергіемъ было то обстоятельство, которое выѣздъ его изъ С.-Петербурга дѣла-

ла наиболѣе грустнымъ. Но и съ нею примиряло его тогдашнее намѣреніе Князя Сергія въ непродолжительномъ времени присоединиться къ нему въ Архангельскомъ. И такъ, не мѣшкая долѣе, онъ взялъ отставку 7), разпростился съ своими благодѣтелями и знакомыми, сталъ пріуготовляться къ пути, и уже назначенъ былъ день отъѣзда.

На послѣднихъ уже дняхъ его пребыванія въ С.-Петербургѣ, какъ бы для разогнанія печали, которую разлука съ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ онъ жилъ и служилъ болѣе двадцати лѣтъ, не могла въ немъ не произвести, бывшіе подчиненными его кадетскіе офицеры, при прощаніи съ нимъ, въ знакъ своей любви и благодарности, поднесли ему серебряную чашу величиною съ обыкновенный потиръ, и такого же вида. Легко можно себѣ представить, какое чувство произвела въ немъ сія пріятная нечаянность. Это уже было точно отъ чистаго сердца сдѣланное ему приношеніе Ибо въ настоящемъ положеніи, когда всякая

связь его съ подчиненными его по службѣ прерывалась, когда ни съ какой стороны не можно было отнести сего обстоятельства къ какимъ либо своекорыстнымъ видамъ, конечно одна чистая любовь, одна искренняя благодарность служила побужденіемъ подчиненнымъ его къ ознаменованію симъ приношеніемъ, и его приснопамятнаго ими начальствованія, и ихъ благодарной признательности къ любимому и уважаемому ими начальнику 8).

ОТДѢЛЕНІЕ II[е].

Отъ оставленія военной службы Княземъ, по самую смерть его.

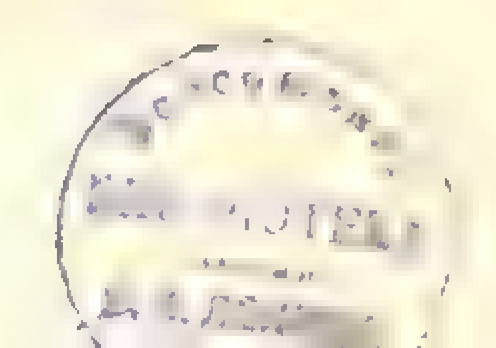
ОГЛАВЛЕНІЕ.

Прибытіе, Князя въ Архангельское —Обученіе дѣтей сельскихъ церковно-служителей— Росписаніе времени—Помѣщикъ, ближній сосѣдъ, вступаетъ къ нему ученикомъ — Чтеніе Князя съ нимъ духовныхъ Авторовъ — Перемѣна учениковъ въ школѣ Князя - По времени другая такая перемѣна—Наконецъ совершенное упраздненіе училища — Начало дѣйствій Князя въ кругѣ пространнѣе перваго - Знакомство его съ помѣщиками уѣзда—Отвѣтъ Князя на упрекъ совѣсти—Поступленіе его въ службу по выборамъ во время холеры — Продолженіе службы его по миновапіи холеры—Вопросъ: служба не придастъ ли опять разсѣян-

ности Князю?—Отвѣтъ: Не неополченнымъ выходитъ уже Князь на сраженіе съ міромъ, но приуготовясь къ тому долговременнымъ упражненіемъ въ благочестіи умозрительномъ и дѣятельномъ—Выборъ Князя въ Судьи—Обученіе Княземъ писцевъ Уѣзднаго Суда—Увольненіе имъ крестьянъ своихъ въ свободные хлѣбопашцы — Знакомство Князя съ игуменьею Спасобородинскаго Монастыря—Занятіе его въ пріѣздъ въ Монастырь—Чтеніе въ книгахъ и разсужденіе о прочтенномъ—Обращеніе его съ сестрами Монастыря—Объясненіе имъ мѣстъ Священнаго писанія и разныхъ религіозныхъ вопросовъ—Книга: *Собраніе объясненій на Святую библію древнихъ Святыхъ Отцевъ*—Отъѣздъ его изъ Монастыря — Праздничныя занятія Князя въ городѣ—Бесѣды и чтенія духовныя съ посѣщавшимъ его подобно ему духовнымъ мужемъ—по журналамъ духовнымъ и по инымъ духовнымъ книгамъ, принадлежащимъ Князю и заемлемымъ отъ другихъ—Упражненіе Князя въ духовномъ пѣніи во время отдохновенія—Чтеніе молитвъ наизустъ въ переходѣ его отъ мѣста до мѣста по городу—Выборъ Князя въ Судьи на второе шестилѣтіе—Поступленіе его въ члены Тюремнаго Комитета — Занятіе его съ арестантами, судимыми въ городѣ и съ останавливающимися въ переходѣ—Раздаваніе

нимъ книгъ для чтенія — Успѣхи ихъ въ ученіи — Нѣкоторые могли даже учить другихъ — Въ Судъ являлся Князь, отслушавъ утреню и раннюю обѣдню — Объявленіе опредѣленія подсудимымъ, которыхъ онъ въ тюрьмѣ ежедневно училъ вѣрѣ и благонравію — Въ обращеніи его съ подчиненными старался держаться средины, между непомѣрной строгостію и всегда вредной слабостію — Разсудительныя взысканія и дѣльные выговоры — Нечастое другъ друга посѣщеніе между Княземъ и его знакомыми — Провожденіе времени въ дѣлахъ Богоугодныхъ ведетъ ко спасенію. — Юноша изъ Евреевъ проситъ Князя быть его воспріемникомъ отъ купели — Обученіе молодаго Еврея въ школѣ села Архангельскаго — и крещеніе его въ церкви сего села.

Генваря 5 числа 1819 года, наканунѣ праздника Крещенья, прибылъ Князь Павелъ въ Архангельское. Здѣсь онъ почиталъ себя вошедшимъ наконецъ въ безопасную гавань, въ тихое пристанище послѣ долговременнаго въ морѣ суетъ мірскихъ обуреванія.

Такъ какъ школа крестьянскихъ дѣтей имѣла уже благонадежнаго учителя, онъ составилъ себѣ другое отдѣльное сего рода занятіе, взявшись обучать первоначальному ученію сыновей сельскихъ церковнослужителей, которыхъ двое имѣли понѣскольку. Едва успѣлъ онъ съѣздить на родину, въ Вяземскій уѣздъ, какъ тотчасъ и вступилъ въ отправленіе должности своего новаго званія. Русской языкъ и законъ Божій были два главные предмета ученія. Обучая учениковъ своихъ съ особеннымъ прилежаніемъ, онъ и самъ много усовершенствовалъ знаніе свое въ сихъ обоихъ предметахъ, особенно въ послѣднемъ, который онъ предположилъ проходить методически. Покойный почиталъ сей случай обучать другихъ закону Божію, особенной къ нему милостію Промысла Божія. Ибо онъ доставилъ ему такое подробное, такое обстоятельное познаніе въ семъ первомъ предметѣ ученія для всѣхъ и каждаго, котораго бы онъ никогда получить не могъ при всемъ его дальнѣй-

шемъ въ духовныхъ занятіяхъ упражненіи. Какъ ощутительна за симъ стала ему польза, получаемая имъ отъ чтенія Священнаго писанія и другихъ религіозныхъ книгъ. Съ сей поры онъ всегда готовъ былъ совѣтывать всѣмъ разсуждающимъ съ нимъ и вопрошающимъ его о предметахъ вѣры, а паче роднымъ своимъ, чтобы обратились къ катихизическому ученію и старались изучить оное какъ можно подробнѣе и тверже. Настаивалъ также и о грамматическомъ ученіи отечественнаго языка, и совѣтывалъ всѣмъ ознакомиться съ Синтаксисомъ, Логикою и Риторикою.

Въ сей новой его жизни маленькая его школа была главнымъ его занятіемъ. Время свое дѣлилъ онъ между службою Божіею, которая отправлялась въ селѣ довольно часто, между обученіемъ своихъ учениковъ, между упражненіемъ въ чтеніи, для котораго соединенныя въ Архангельскомъ обоихъ братьевъ библіотеки представляли много книгъ, большею частію

духовныхъ, — и прогулкою. Все это производилось въ извѣстные часы, и такъ регулярно, что ни одно занятіе не отнимало времени отъ другаго. Онъ вовсе не испытывалъ той праздности, которую въ деревнѣ встрѣтить такъ много опасался; особенно въ послѣдствіи, когда онъ получилъ себѣ такого ученика, съ которымъ упражненіе вовсе изъято было всѣхъ трудностей школьнаго учителя. Это былъ одинъ изъ помѣщиковъ, близкій князю сосѣдъ, молодой человѣкъ съ необыкновенными способностями ума, прошедшій методически все то ученіе, котораго требуетъ хорошая образованность. Онъ, имѣя желаніе продолжать далѣе ученіе свое, и видя готовность Князя сообщать другимъ свои познанія, поступилъ въ его ученики по предмету Французскаго языка, и чрезъ годъ такъ много успѣлъ, что могъ не только понимать, но и съ особенною легкостію переводить на Русской языкъ труднѣйшихъ авторовъ Богословскихъ. Сей одаренный необычайными талантами молодой человѣкъ,

потомъ уже продолжалъ посѣщать Князя, не столько для ученія у него, сколько для вмѣстнаго чтенія разныхъ духовныхъ русскихъ и французскихъ писателей, и это съ такимъ прилежаніемъ, что Князь могъ почитать упражненіе съ нимъ постояннымъ своимъ занятіемъ. Зимою упражненіе Князя съ книгою почти непрерывалось. Днемъ занимался онъ обученіемъ дѣтей, а продолжительные зимніе вечера въ духовномъ чтеніи и бесѣдованіи съ своимъ дорогимъ гостемъ. Когда тутъ было ему скучать? Время летѣло и не мало оставляло за собою пользы, и учителю и ученикамъ. Трое изъ сихъ обучавшихся у него дѣтей уже священниками. Каждый изъ нихъ благословляетъ имя своего благодѣтеля, и съ усердною молитвою, воспоминаетъ о немъ, литургисуя, особенно же его крестникъ, которому онъ былъ и отцемъ и наставникомъ.

Но эти дѣти по времени должны были поступить въ Семинарію: чѣмъ же тогда Князю сражаться противъ праздности?

Подлинно, они, пришедъ въ надлежащій возрастъ, поступили въ училище. Но не опасайтесь за Князя; школа его не упразднилась, а только перемѣнила учениковъ. Промыслъ Божій, видя его расположеніе къ обученію юношества полезнымъ знаніямъ, тотчасъ, по выбытіи однихъ, замѣстилъ ихъ другими. Слухъ въ сосѣдствѣ о его готовности раздѣлять съ другими свои познанія, о сей духовной общительтельности, обратилъ къ нему съ прозьбою тѣхъ родителей, которые, не имѣя способовъ обучать своихъ сыновей до опредѣленія ихъ въ казенное учебное заведеніе, искали благодѣтельной руки, которая бы взялась воздѣлывать умы юныхъ воспитанниковъ. Тотчасъ у него, вмѣсто дѣтей церковно-служителей, явились дѣти помѣщиковъ, съ которыми онъ, при помощи Божіей, продолжалъ также нелѣностно заниматься, какъ нѣсколько лѣтъ занимался съ ихъ предшественниками.

Но вотъ и сіи въ свое время поступили по такимъ училищамъ, которыя вмѣ-

стѣ съ образованіемъ доставляли имъ и жизненные способы. Съ отъятіемъ сихъ постоянныхъ занятій казалось неизбѣгнуть уже Князю угрожавшей ему праздности. Отнюдь нѣтъ: классъ его нетолько не упразднился, но пріумножился еще числомъ учениковъ Кто же это еще? Это тѣ дѣти, которыя требуютъ отъ него еще большаго объ нихъ старанія и попеченія, нежели всѣ доселѣ учившіися. Это его кровные, его племянники. Ибо онъ такъ уже долго жилъ въ Архангельскомъ, что нѣкоторые изъ братьевъ его успѣли, женившись, прижить дѣтей, которымъ выросшимъ, также нужно было первоначальное до поступленія въ корпусъ ученіе. Съ сими онъ еще прилежнѣе занимался, ибо они не одни уроки отъ него получали, но и отданы были родителями совершенно на его руки. Сихъ онъ былъ уже не учитель токмо, но вмѣстѣ смотритель и руководитель. Сихъ невыпускалъ онъ изъ вида не токмо во время уроковъ но и всегда. Вотъ и сіи теперь, благодаря Бога, служатъ вѣрою и прав-

дою Государю и отечеству, и благословляютъ имя своего благодѣтеля.

Съ опредѣленіемъ въ корпусъ племянниковъ подлинно училище его стало оскудѣвать, и по времени одинъ за однимъ откланялись ему всѣ его ученики. Но это происходило не для того, чтобы отнять у Князя всякое дѣло. Промыслъ Божій, увольняя его отъ званія учителя и воспитателя, готовилъ ему другое званіе,—вызывалъ его дѣйствовать въ пространнѣйшемъ кругѣ. Доселѣ онъ ограничивалъ знакомство свое родными своими, а свои занятія съ нѣсколькими учениками; теперь же знакомыми ему сдѣлались почти всѣ Можайскіе помѣщики, и сношеніе его съ ними не рѣдкимъ. Молва о его правилахъ, о его богоугодной жизни дѣлала его давно извѣстнымъ въ уѣздѣ, и, можетъ быть, давно дворянство предложило бы ему занять одно изъ тѣхъ предсѣдательскихъ мѣстъ, на которыя чиновники назначаются по выбору дворянъ; но онъ доселѣ не изъявлялъ своего расположенія вступить

въ службу по выборамъ; и въ совѣсти своей, упрекавшей его иногда тѣмъ, что онъ, бывъ еще въ силахъ, не содѣйствуетъ службою своею пользѣ того общества, въ которомъ живетъ, въ благосостояніи которою участвуетъ,—онъ отвѣтствовалъ тѣмъ, что на пользу общества трудится посвященіемъ своихъ талантовъ возрастающему юношеству, обученіемъ дѣтей изъ своего сословія разнымъ полезнымъ знаніямъ.

Въ памятный же всѣмъ 1829 годъ, когда Господу угодно было посѣтить насъ холерою, Князь, оставя всѣ расчеты частные, самъ предложилъ себя на служеніе обществу и былъ избранъ смотрителемъ одного изъ участковъ, на которые весь уѣздъ былъ раздѣленъ. Благодареніе Господу не по беззаконіямъ нашимъ сотворившему съ нами, холера внесла къ намъ незначительную смертность и скоро прекратилась. Но служеніе Князя обществу по выборамъ только что началось. Едва съ холерою окончилось его дѣло смот-

рителя участка, какъ дворянство избираетъ его въ новое званіе.

Вотъ, скажутъ можетъ быть на сіе, не избѣгъ же Князь разсѣянной жизни. Отвѣтствуемъ: Князь, упражнявсь въ Архангельскомъ болѣе десяти лѣтъ въ наукѣ богоугоднаго житія, не неополченнымъ уже исходилъ на сію новую его брань съ міромъ, или не такъ слабо вооруженнымъ, какъ онъ былъ, когда прибылъ въ Архангельское, бѣжавъ отъ міра. Отдохновеніе его въ Архангельскомъ было приуготовленіемъ на подвигъ, къ которому призывалъ его Господь. Самыя лѣта и опытность, при его добродѣтельной жизни, много уже его умудрили, но главную, важнѣйшую часть мудрости своей пріобрѣлъ онъ своимъ умозрительнымъ и дѣятельнымъ благочестіемъ, въ которомъ онъ постоянно упражнялся; почерпаемыя изъ слова Божія и другихъ религіозныхъ и нравственныхъ книгъ истины отчасу болѣе утверждали его въ дѣлахъ христіанскаго благочестія; а упражненіе его въ дѣлахъ сихъ дѣлало ему сло-

во Божіе внятнѣе и вразумительнѣе. То и другое содѣлывало его мудрымъ небесной мудростію, умудряя во спасеніе. Богомысліе въ уединеніи его питало его молитву, а молитва располагала его къ Богомыслію. Двѣнадцать лѣтъ употребилъ онъ на приуготовленіе, на усовершенствованіе себя къ борьбѣ съ міромъ, чтобы потомъ другіе двѣнадцать лѣтъ, ополчаясь противъ него, и другихъ защитить и себя спасти отъ его казней, отъ его соблазновъ и искушеній.

Неоднократныя собранія Можайскихъ дворянъ во время холеры, и выборъ Князя Павла въ смотрители участка, лично ознакомили его съ уѣздными дворянами. Въ первый, послѣдовавшій за тѣмъ выборъ въ 1831 году, онъ былъ избранъ Можайскимъ Уѣзднымъ Судьею. Несмотря на сію возложенную на него нелегкую обязанность, по коей онъ долженъ былъ ежедневно присутствовать въ Судѣ, онъ продолжалъ учить остающихся еще въ Архангельскомъ дѣтей. Для сего онъ раздѣлялъ свое суточное время между городомъ и

селомъ, провождая часы дополудня въ Судѣ и въ городѣ, а часы послѣ полудня въ Архангельскомъ. Такимъ образомъ всякой присутственный день рано по утру уѣдетъ онъ изъ села въ городъ, и пріѣдетъ назадъ въ село только къ позднему обѣду. Пріѣхавъ же, не успѣетъ отобѣдать, какъ начинаетъ заниматься съ учениками своими. Въ такихъ ежедневныхъ переѣздахъ двадцати двухъ верстъ, туда и обратно, онъ провелъ около пяти лѣтъ, до самаго времени опредѣленія въ Корпусъ послѣдняго изъ проживавшихъ у него племянниковъ.

Сіе его долговременное обученіе дѣтей такъ его ознакомило съ дѣломъ учителя, и такое родило расположеніе къ сему занятію, что онъ, по вступленіи въ званіе судьи, предложилъ молодымъ своимъ писцамъ брать у него уроки въ русскомъ языкѣ: что и продолжалъ самымъ дѣломъ нѣсколько времени. Но юноши сіи, отвлекаемые отъ сего ученія своимъ занятіемъ по суду, отвлекаемые отъ онаго

и нерасположеніемъ къ ученію, не дали ему довершить своего дѣла такъ, какъ Господь привелъ его видѣть плоды трудовъ своихъ съ племянниками и прочими учениками своими.

1836 года послѣдовало отъ Князя увольненіе большей части крестьянъ своихъ въ свободные хлѣбопашцы. Остальныхъ же крестьянъ, которыхъ онъ находилъ не въ состояніи пользоваться свободою, отдалъ одному изъ племянниковъ съ тѣмъ, чтобы сей удовлетворилъ прочихъ его наслѣдниковъ, заплативъ каждому по такой суммѣ, какая приходилась на часть его, по оцѣнкѣ самимъ Княземъ 9).

Вскорѣ за самъ Князь Павелъ познакомился съ матеріею Маріею, игуменьею Спасобородинскаго монастыря, и поелику они встрѣтили другъ въ другѣ совершенное единомысліе, то, съ перваго дня знакомства ихъ, тѣсно соединилъ ихъ духовный союзъ. Князь нерѣдко по воскреснымъ днямъ, когда не ѣздилъ въ Архангельское,

отправлялся въ монастырь къ обѣдиѣ, и былъ тамъ до вечерень; а иногда тамъ слушалъ и вечерню. Имѣя большую охоту къ чтенію вслухъ духовныхъ книгъ, онъ тотчасъ послѣ обѣдни, съ позволенія матери Игумены, начиналъ такое духовное чтеніе, которое большею частію производимо было по которому либо изъ духовныхъ журналовъ, при духовныхъ Академіяхъ издаваемыхъ. Впрочемъ немного удавалось ему прочитывать там въ пріѣзды его, потому что чтеніе очень часто прерываемо было разсужденіями читающаго съ слушающими, которыхъ собиралось не мало изъ монахинь и послушницъ, которыя его, какъ вообще за его благочестіе, такъ и за его кроткій нравъ и дружелюбное со всѣми обращеніе, весьма полюбили, и весьма радовались когда въ праздникъ Князь появлялся въ церквѣ монастыря. Бесѣды съ нимъ г-жи игумены и сестръ, въ нихъ учавствовавшихъ, производимы были съ такою искренностію, съ такимъ дружелюбіемъ, и о такихъ важныхъ предметахъ,

каковы суть христіанская вѣра и ея нравственность, что были особенно назидательны для всѣхъ.

Въ пріѣздъ его туда появлялись въ кельѣ Г. Игуменьи сестры, и престарѣлыхъ лѣтъ, и молодыхъ, и недозрѣлая юность. Всѣ къ нему обращались съ своими вопросами, какъ къ другу, какъ къ наставнику, какъ къ отцу, и онъ удовлетворялъ всѣхъ своими простыми и духовной мудрости исполненными отвѣтами. Ибо Князь, какъ сказано было выше, съ давнихъ лѣтъ, упражняясь въ чтеніи духовныхъ книгъ, много обогатилъ память свою изъ книгъ лучшихъ духовныхъ Авторовъ, древнихъ и новѣйшихъ; особенно же хорошій сдѣлалъ онъ себѣ запасъ изъ толкованія Священнаго писанія, въ объясненіи котораго онъ незатруднялся. Болѣе прочихъ способствовало ему къ такому въ словѣ Божіемъ себя умудренію сочиненіе подъ названіемъ: *Собраніе объясненій на святую Библію всѣхъ древнихъ Святыхъ отцевъ.* Онъ ежедневно занимался симъ

чтеніемъ и, кажется, не разъ прочелъ твореніе сіе, изъ двадцати пяти большихъ книгъ состоящее, отъ доски до доски. Въ такихъ подлинно праздничныхъ занятіяхъ въ бытность его въ монастырѣ быстро текли часы, такъ что о многомъ еще было недоговорено, какъ, по времени дня, надлежало уже прощаться. И прощаніе это было назидательно: желанія взаимныя, исполненныя любви и дружества, взаимныя прошенія о молитвѣ; порученіе другъ друга Христу Богу, молитвамъ Божіей матери и всѣхъ Святыхъ, просьба о доставленіи какой либо книги, извѣстной своею назидательностію, просьба о скоромъ опять доставленіи другъ другу пріятнаго свиданія, просьба о изъявленіи своей любви и преданности отсутствующимъ, въ письмахъ или лично; словомъ, всѣ рѣчи, при прощаніи сихъ истинныхъ друзей, неготовленно излетавшія изъ сердецъ любящихъ Бога, любящихъ другъ друга и всѣхъ, была одна чистая, ни съ какимъ своекорыстіемъ не смѣшанная любовь.

Когда же Князь воскресный или праздничный день проводилъ въ городѣ, то иногда посѣщалъ его одинъ изъ его близкихъ знакомыхъ, подобно ему духовную жизнь провождавшій, съ которымъ онъ также занимался въ духовныхъ бесѣдахъ и въ чтеніи духовныхъ книгъ. Въ книгахъ сихъ онъ ни когда не имѣлъ недостатка. Ибо кромѣ духовныхъ журналовъ, на которые онъ всякій годъ подписывался, получалъ онъ вновь выходящія и другія назидательныя книги отъ матери игуменьи и прочихъ знакомыхъ своихъ, которыя онъ всѣ тщательно прочитывалъ, употребляя на то почти все время, остающееся ему отъ присутствія въ судѣ, отъ посѣщенія богоугодныхъ заведеній и отъ службъ Божіихъ. Сверхъ того онъ имѣлъ много, какъ сказано было выше, и въ своей библіотекѣ такихъ духовныхъ книгъ, которыя прочитавши пріятно и полезно опять начинать снова. Здѣсь у мѣста замѣтить, что такъ боялся онъ, какъ бы невпустить вредныхъ мыслей въ праздный

умъ, что когда отдыхалъ дома отъ трудовъ своихъ, то часто упражнялся въ духовномъ пѣніи, а когда ходилъ въ храмъ Божій или переходилъ отъ мѣста до мѣста по городу, то имѣлъ въ обычаѣ читать наизусть про себя псалмы или молитвы.

Въ началѣ 1837 года дворянство избрало Князя въ судьи й наслѣдующее шестилѣтіе. Съ сего времени онъ нашелся принужденнымъ имѣть жительство въ городѣ, частію потому, что обучаемые имъ племянники его всѣ отвезены были въ С.-Петербургъ и помѣщены въ корпусъ, частію и потому, что онъ, не имѣя болѣе у себя крѣпостныхъ людей, не сталъ держать своихъ лошадей. Съ сей поры онъ только изрѣдка пріѣзжалъ въ Архангельское. Такое постоянное жительство въ городѣ доставило ему возможность быть ежедневно въ храмѣ Божіемъ при всѣхъ службахъ. Обѣдню онъ предпочиталъ слушать раннюю во дни присутственные, въ прочіе же ни когда не оставлялъ ходить и къ поздней.

Тутъ вскорѣ открытіе Можайскаго тюремнаго комитета и поступленіе Князя въ члены онаго доставило новое занятіе его дѣятельному человѣколюбію. Тотчасъ по утвержденіи начальствомъ членовъ сего комитета, онъ получилъ всегдашній доступъ въ городскую тюрьму, какъ къ тѣмъ заключеннымъ, которые были судимы въ уѣздѣ, такъ и къ тѣмъ, которые, бывъ провождаемы по большему тракту, останавливались въ городѣ для отдохновенія. Съ послѣдними онъ могъ заниматься только въ продолженіи тѣхъ двухъ дней, которые они оставались въ городской тюрьмѣ, а потому въ сіе краткое пребываніе ихъ старался, чтеніями душеполезныхъ книгъ и изустными своими наставленіями, назидать ихъ и склонять къ благонравію, говоря много къ ихъ исправленію и утѣшенію, и утверждая свои рѣчи Словомъ Божіимъ и Евангельскими истинами. Съ первыми же, т. е. арестантами, судимыми въ своемъ уѣздѣ, онъ, посѣщая ихъ всякой день, могъ далѣе разширять кругъ своихъ съ ними за-

нятій. Не оставляя и сихъ назидать чтеніями и бесѣдами, онъ продолжалъ обучать ихъ кратко догматическимъ истинамъ вѣры или самому краткому катихизису, т. е. такому, который могъ бы вмѣстить вовсе необразованный умъ неграмотныхъ крестьянъ. Грамотнымъ же, какъ пересыльнымъ, такъ и мѣстнымъ арестантамъ, онъ сверхъ того давалъ для чтенія книги изъ тѣхъ, которыя здѣшнему тюремному комитету изъ Губернскаго Комитета на сей предметъ были доставляемы.

Посѣщеніе тюрьмы было пріятнѣйшимъ для него занятіемъ. Нельзя угадать, въ какой степени къ лучшему измѣнялись сердца заключенныхъ преступниковъ, поелику сіе сокрыто отъ взора людей; но въ томъ можно Князю отдать справедливость, что онъ этихъ, въ грубомъ невѣжествѣ о Богѣ и законѣ Божіи закоснѣлыхъ людей, успѣлъ, съ помощію Божіею, такъ наставить въ ученіи о благочестіи, что тѣ изъ нихъ, которые мѣсяца по три прово-

дили въ тюрьмѣ, ожидая окончательнаго рѣшенія своему дѣлу, оставляли оную со всѣми тѣми свѣденіями о вѣрѣ, какія для необразованнаго неграмотнаго крестьянина предостаточны, чтобы указать, какъ ему вѣровать, что дѣлать и чего недѣлать, для избѣжанія въ вѣчности наказанія за порочную жизнь и для полученія награжденія за добродѣтель. Нѣкоторые такъ хорошо знали всѣ сіи главныя истины, что въ состояніи были обучать другихъ. Если дѣйствительно нѣкоторые изъ сихъ тюремныхъ заключенниковъ въ послѣдствіи обратились въ благовѣстники Слова Божія, то какое чудное и удивительное является здѣсь дѣло промысла Божія.

Въ Судъ Князь являлся въ девятомъ часу утра, успѣвши, до сего времени, отслушать утреню и раннюю обѣдню. Съ какимъ пріятнымъ чувствомъ принимался онъ въ судѣ за свое дѣло, благословясь такимъ образомъ, къ дневному начатію онаго въ храмѣ Божіемъ, при таинственномъ жерт-

вопріношеніи. Когда предстояло ему объявлять подсудимому наказаніе за вину его, онъ всегда пользовался симъ случаемъ къ обращенію его на истинный путь своими увѣщаніями. Всякой такимъ образомъ преступникъ изъ являвшихся къ нему, чтобы выслушать свой приговоръ, отходилъ отъ него утѣшеннымъ, и къ исправленію болѣе или менѣе расположеннымъ. Всякой изъ содержащихся въ Городской тюрьмѣ подъ стражею подсудимыхъ арестантовъ, былъ ему нечуждъ. Ибо со времени учрежденія тюремнаго комитета, онъ принялъ на себя званіе учителя благонравію сихъ арестантовъ, и не пропускалъ ни одного дня, что бы не побывать у нихъ, чтобы съ помощію Божіею не наставлять ихъ въ семъ предметѣ.

Кротко и милостиво обращался онъ съ своими подчиненными, кротко даже и въ такихъ случаяхъ, когда онъ дѣлалъ имъ выговоры и взыскивалъ за опущенія. Не послѣдняя это добродѣтель въ начальникѣ

такъ обращаться съ подчиненными, чтобы блюсти себя равно отстоящимъ отъ обѣихъ крайностей, именно: отъ непомѣрной строгости, и многимъ вредомъ всегда сопровождаемой слабости, чтобы шествовать среднимъ, царскимъ путемъ, имѣя въ виду, при необходимости понужденія, нерадивыхъ и взысканія съ нихъ, необходимость и снизхожденія къ немощнымъ, несовершеннымъ человѣкамъ, каковы мы всѣ. Разсудительное взысканіе, безпристрастный выговоръ дастъ начальнику тотъ вѣсь во мнѣніи подчиненнаго, который недопуститъ ему виновному отверсть уста къ оправданію своему; тогда какъ страстію гнѣва и вспыльчивостію сопровождаемая укоризна отъ начальника раждаетъ и въ подчиненномъ, оправдывающемся, туже страсть, которую не въ силахъ въ себѣ удерживать начальникъ, можетъ быть и справедливо взыскивающій.

Самъ Князь рѣдко когда кому платилъ визиты, бывъ всегда занятъ, и въ домѣ, и внѣ дома, да не часто и отъ дру-

гихъ имѣлъ посѣщеніе, потому что всѣ знали какъ онъ дорожилъ временемъ, и какъ мало у него онаго оставалось отъ дѣлъ званія его на домашнія занятія. Блаженъ, кто, съ помощію Божіею, навыкъ провождать время въ дѣлахъ и упражненіяхъ богоугодныхъ, имѣющихъ цѣлію славу Божію и пользу ближнихъ. Въ дѣлахъ любви проводитъ онъ свой вѣкъ. Какое это благонадежное пріуготовленіе къ тому состоянію, въ которомъ несотворенная любовь будетъ всяческая во всѣхъ. Духовный человѣкъ непостигаетъ какъ можетъ безсмертная, разумная душа, пріявшая время жизни сей на исправленіе себя, на возрожденіе, на пріуготовленіе къ блаженной вѣчности, расточать оное на употребленіе крайне отдаляющее ее отъ блаженнаго состоянія по смерти.

Около сего времени Князю довелось быть воспріемникомъ крещеннаго изъ Евреевъ юноши. Сіе случилось слѣдующимъ образомъ. Въ тотъ годъ (1838) когда со-

биралась изъ всей Россіи на поле Бородинское для маневровъ стотысячная армія, и нѣкоторые полки помѣщаемы были въ городѣ Можайскѣ, случилось, что поставленъ былъ тамъ по квартирамъ одинъ пѣхотный полкъ, котораго музыканты помѣщены были въ домѣ, на одной улицѣ съ тѣмъ домомъ, гдѣ жилъ Князь и насупротивъ онаго. Въ числѣ сихъ полковыхъ музыкантовъ находился одинъ молодой флейщикъ изъ Евреевъ, который видя Князя, и рано и поздо посѣщающаго церковь и слыша всеобщую объ немъ похвалу за его благонравіе, за его ко всѣмъ любовь и благорасположеніе, изъявилъ желаніе принять Христіанство, принять ту вѣру, которая способна производить такія добродѣтели. Къ самому Князю обратился онъ съ просьбою, чтобы онъ сдѣлалъ ему великую милость былъ его воспріемникомъ отъ купели. Обрадовался благочестивый мужъ, видя присоединяющуюся къ стаду Христову заблудшую овцу. Немедленно отправилъ молодаго Еврея въ свою сельскую

школу для наставленія въ законѣ, и потомъ, по шестинедѣльномъ его приуготовленіи, былъ его воспріемникомъ отъ купели Святаго крещенія, которое совершалъ въ селѣ Архангельскомъ священникъ того полка, къ которому принадлежалъ флейщикъ, названный во святомъ крещеніи по имени крестнаго своего отца Павломъ. Стараніемъ и попеченіемъ Князя онъ такъ хорошо былъ обученъ закону, что, будучи неграмотнымъ весьма твердо и обстоятельно отвѣчалъ на всѣ вопросы катихизиса, которые въ церкви въ присутствіи всѣхъ дѣланы ему были предъ крещеніемъ. Въ послѣдствіи онъ обучился грамотѣ и по самую смерть покойнаго Князя продолжалъ съ нимъ переписываться.

ОТДѢЛЕНІЕ III-е.

Послѣдніе дни жизни и смерть Князя.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Наступилъ 1844 годъ — выборъ Князя въ судьи на третіе шестилѣтіе — но лишъ на три мѣсяца по опредѣленію Божію — Князь приглашаетъ гражданъ учредить Богадѣльню — Всеобщее на то согласіе и значительныя пожертвованія. — Жилье подъ Богадѣльню имѣлось уже. — Оказалась и принадлежащая градской Богадѣльнѣ пустошь, изъ ста десятинъ земли. — Сверхъ того капиталъ изъ двухъ тысячь рублей поступаетъ въ Богадѣльню. — Поставленіе кружекъ въ двухъ мѣстахъ города. — Подаяніе рожью Богадѣльнѣ отъ помѣщиковъ уѣзда. — Двѣнадцать человѣкъ обоего пола вступаютъ въ Богадѣльню. — Прилѣпленіе Князя къ Богадѣльнѣ. — Избраніе

7

Князя въ Почетные Директоры Богоугодныхъ заведеній города Можайска. — Приуготовленіе къ торжественному открытію Богадѣльни.— Назначеніе дня къ тому. — Утреннее начало торжества сего. — Внезапная болѣзнь постигаетъ Князя въ сей самый день. — Болѣзнь смертельная. — Намѣреніе его ѣхать въ Москву для пользованія тамъ — на другой день отложено по слабости Князя и побывшей тогда распутицѣ. — Причащеніе его и соборованіе масломъ. — Прощаніе съ нимъ стекшагося къ соборованію его множества людей. — Здоровье его въ продолженіи послѣдующихъ дней. — Вторичное причащеніе Святыхъ Таинъ въ полной памяти. — Дѣйствія его въ предсмертномъ болѣзненномъ состояніи.—Приказываетъ прочесть вечернія молитвы утромъ— Писаніе его на бумагѣ. — Объятіе плачущаго друга.—Послѣдній лучь угасающаго смысла.— Дыханіе дѣлается частымъ.— Прощаніе его съ другомъ—приближающееся безчувствіе — совершенное безчувствіе Князя—предъ смертію дыханіе его раза два останавливается и опять возобновляется.—Наконецъ Князь испускаетъ послѣднее дыханіе. — Дни два до смерти онъ обрекъ положить тѣло свое въ Спасобородинскомъ монастырѣ.

Внѣшній видъ Князя — его ростъ — худость тѣла — моложавость его — обнаженіе головы отъ волосъ — пригожество лица въ молодости — глаза — носъ — румянецъ въ щекахъ. — Любилъ ходить пѣшкомъ — подъ старость чувствовалъ усталость восходя по лѣстницѣ. — Рѣдко, хворая, слегалъ въ постель. — При обученіи учениковъ вязалъ снурки для Церкви. — Не любилъ имѣть прислуги. — Въ молодости курилъ табакъ. — Оставилъ и сію съ отверженіемъ всѣхъ прочихъ прихотей. — Довольствовался во всемъ однимъ нужнымъ — иногда лишалъ себя и нужнаго — сонъ его — простуда желудка, первоначальная болѣзнь его имѣла большее вліяніе на здоровье его, которое она разстроивала, обнаруживаясь въ разныхъ видахъ, доколѣ напослѣдокъ положила конецъ его жизни.

Наступилъ наконецъ 1844 годъ, дворянскихъ выборовъ по Московской Губерніи, и Князь опредѣленіемъ дворянъ Можайскаго Уѣзда избирается единодушно въ судьи на третіе шестилѣтіе; опредѣленіемъ же свыше лишь на три мѣсяца, ибо столько лишь времени потребно было для полной созрѣ-

лости сей нивы Божіей, которая по истеченіи онаго тотчасъ пожинается, дабы всемъ обиліемъ своимъ поступить въ житницу Божественнаго земледѣлателя. Вотъ описаніе послѣднихъ дней жизни и смерти Князя Издавна возгорѣвшійся въ Князѣ огнь любви къ Богу и ближнему заставилъ его посвятить себя всесовершенно дѣламъ любви. Тюремное занятіе съ подсудимыми и пересыльными арестантами было, какъ сказано выше, пріятнѣйшимъ дѣломъ его любви. Услажденіе, которое онъ чувствовалъ въ семъ дѣлѣ, возбудило въ немъ желаніе искать болѣе сей сладостной пищи алчущей своей душѣ, и любовь къ ближнимъ не могла не указать ему, что городъ, въ которомъ онъ былъ постояннымъ жителемъ, лишенъ былъ драгоцѣннѣйшаго своего украшенія — пріюта для престарѣлыхъ и увѣчныхъ обоего пола гражданъ, лишенъ былъ богадѣльни. Съ любвеобильнымъ его сердцемъ не могъ онъ видѣть сего въ Христіанскомъ обществѣ и быть хладнокровнымъ зрителемъ такого

важнаго опущенія. Занимая почетное мѣсто судьи, онъ почелъ дозволительнымъ себѣ напомнить гражданамъ о семъ лишеніи города ихъ, обратясь къ нимъ дружелюбнымъ воззваніемъ. О, конечно, не безъ прилежныхъ, теплыхъ молитвъ приступалъ онъ къ сему дѣлу любви! ибо явное Божіе благословеніе обнаружилось на немъ. Всеобщее согласіе на учрежденіе богадѣльни, сопровождаемое значительными пожертвованіями, такъ ободрило Князя въ семъ его Христіанскомъ подвигѣ, что онъ тотчасъ принялся за дѣло. Жилье подъ богадѣльню нашелъ онъ уже готовымъ и издавна пожертвованную на богадѣльню по близости города пустошь, изъ ста десятинъ земли состоящую; а нѣсколько времени спустя, отдана была богадѣльнѣ и сумма, изъ двухъ тысячь рублей состоящая, пожертвованная дворянствомъ въ 1830 году на одержимыхъ холерою и не бывшая въ употребленіи. Покои подъ богадѣльню отъ градской Соборной Церкви давно устроенные, но не доконченные,

были докончены; земля отдана была въ наемъ за тройную цѣну противъ той, по какой она доселѣ ходила; сумма пожертвованная положена была въ кредитное установленіе для приращенія, и въ двухъ приличныхъ мѣстахъ въ городѣ поставлены были кружки для сбора на богадѣльню отъ доброхотныхъ дателей. Къ сему денежному доходу ходатайствомъ Князя присоединилось подаяніе рожью и мукою отъ помѣщиковъ въ Уѣздѣ живущихъ, котораго вмѣстѣ съ кружечной суммою достаточно было на содержаніе двѣнадцати человѣкъ, которые кромѣ вышеписанныхъ средствъ къ пропитанію, надѣляемы были еще приносами отъ нищелюбивыхъ гражданъ.

Богадѣльня, какъ представлявшая много дѣла человѣколюбію Князя, много его занимала. Онъ первый предложилъ гражданамъ учредить ее. Онъ по Евангельскому слову, съ улицъ и переулковъ, съ дорогъ и изгородъ призвалъ въ нее обитать престарѣлыхъ, увѣчныхъ, хромыхъ, слѣпыхъ. Онъ, принявъ ихъ на свои руки, учредилъ,

упокоилъ; онъ пекся нетокмо о довольствѣ въ богадѣльнѣ, но и о украшеніи ея. Онъ возлюбилъ ее какъ женихъ свою невѣсту. Какая это была неописанная ему радость, когда онъ утвержденъ былъ въ званіи Почетнаго Директора Богоугодныхъ, заведеній. О чемъ ни начиналъ онъ говорить, все оканчивалось рѣчію о богадѣльнѣ.

Вотъ наступалъ радостный день торжественнаго открытія богадѣльни. Что коснитъ нощь прейти? взывалъ восхищенный женихъ; что медлитъ засвѣтиться радостное утро? что неслышится созывающій звонъ? Недождусь дневнаго свѣта.

Но.... вотъ ударяетъ наконецъ много желанный благовѣстъ, продолжаетъ ударять, и всѣ граждане стекаются въ Соборную Церковь. Вотъ и служба начинается.... продолжается.... кончается ... молящихся много при утреннемъ богослуженіи, а жениха, нетерпѣливаго жениха.... нѣтъ. Вотъ и новый благовѣстный зовъ начинается, призывающій всѣхъ, сперва для присут-

ствованія при Литургіи, и вслѣдъ за тѣмъ при торжественномъ врученіи Директору Богоугодныхъ заведеній новоустроенной градской богадѣльни, жениху его невѣсты; но его все нѣтъ. Плачетъ невѣста, скорбятъ званные. Ахъ! вѣрно что либо внезапное ему приключилось. Болѣзнь, конечно болѣзнь, непремѣнно болѣзнь; ибо одна болѣзнь могла удержать любвеобильное его сердце, чтобы не летѣть во храмъ по первому удару колокола, чтобы первому переступить священный прагъ дома Божія для изліянія предъ Богомъ величайшей благодарности въ преизбыткѣ своей любви.

Дѣйствительно болѣзнь, въ ночи его постигшая и утромъ сильно обнаружившаяся, повергла его въ такую слабость, что онъ съ трудомъ могъ перейти за порогъ своей спальни; и въ то время, когда всѣ стекались въ Соборъ къ утрени и къ обѣднѣ, онъ, покоряясь Всепремудрому Промыслу Божію, молился одинъ дома, и съ благоговѣніемъ размышлялъ о семъ дѣлѣ Божія надъ нимъ Промысла.

Болѣзнь постигшая Князя была рѣшительная, всегда почти смертельная, именно сильное воспаленіе въ легкихъ. Но не смотря на чувствуемую боль, онъ съ радостію, съ сердечнымъ удовольствіемъ слушалъ описаніе открытія богадѣльни отъ присутствовавшихъ при ономъ, и кажется забывалъ на это время свою неизлечимую болѣзнь. Опасность болѣзни отчасу умножалась Требовалось не малое искуство врача, если можно еще было пособить больному. Надобно было немедленно пуститься въ Москву, и онъ на сіе былъ согласенъ. Но на другой день, самый тотъ, въ который отправленіе сіе было предположено, оказался онъ много слабѣе, потому поѣздка сія, весьма затруднительная въ его положеніи и въ бывшую тогда еще распутицу, по которой большая дорога особенно безпокойна, была отложена. Духъ же его принялъ другое направленіе. Все вниманіе его обращено было на болѣзнь души. Оба напутствующія таинства при-

нялъ онъ на другой же день открывшейся въ немъ болѣзни.

При соборованіи его масломъ, въ небольшіе его покои собралось множество посѣтителей, которые всѣ, по окончаніи надъ нимъ сего таинства, спѣшили проститься съ нимъ. Все это множество бросилось къ его кровати, на которую тотчасъ по окончаніи службы положили его утомленнаго. Одни падали на колѣни, другіе цѣловали руки. Всякой тѣснился, желая пробраться къ нему, чтобы проститься и изъявить свое желаніе о совершенномъ его примиреніи съ Богомъ. Весьма трогательное зрѣлище представляла здѣсь любовь, собравшая ко одру умирающаго благочестиваго мужа и ближнихъ и дальнихъ его знакомыхъ, собственно для того чтобы проститься, чтобы исполнить сіе пламенное желаніе ихъ сердецъ, которыя онъ умѣлъ привлечь къ себѣ отъ всѣхъ безъ изъятія, знаемыхъ и незнаемыхъ.

Два дни послѣ соборованія, здоровье его было въ такомъ состояніи, что хотя

не было ни какой надежды его выздоровленія, однако же болѣзнь не усиливалась такъ, какъ того должно было ожидать. Но наставшій третій показалъ его много ослабѣвшимъ; чего и можно было уже ожидать съ ночи, которую онъ провелъ безпокойно. Тутъ съ возсіявшимъ солнцемъ явился опять къ нему Господь Іисусъ Христосъ въ таинствѣ Причащенія, и удостоилъ его, уже не возстававшаго съ одра своего, принять въ себя сіе надежнѣйшее напутствіе въ вѣчность.

Послѣ умовенія лица утромъ предъ причащеніемъ, онъ вскорѣ опять пожелалъ умыться и, ложась потомъ на постелю, сказалъ полагающимъ его на оную, близкимъ къ нему, что онъ ложится теперь на смертный свой одръ. Возлегши же попросилъ чтобы прочли ему вечернія молитвы, и опять повторилъ свою просьбу, когда предстоявшіе медлили, удивившись что слышать его утромъ приказывающаго читать вечернія молитвы: за симъ молитвы сіи были немедленно

прочитаны. Голосъ его который, уже накануне сталъ ему измѣнять, тутъ сдѣлался такъ слабъ, что необходимо было прикладывать ухо къ устамъ его, когда видѣли, что онъ шевелитъ губами. Сіе движеніе устъ его было или кратковременное или продолжительное: первое было тогда, когда желалъ что сказать, послѣднее было чтеніе молитвъ, изъ которыхъ явственно можно было разобрать молитвы о христіанской кончинѣ: *да Воскреснетъ Богъ,* и нѣкоторыя другія изъ вечернихъ.

Вскорѣ за симъ, когда весьма трудно уже было разбирать его тихій шопотъ, ему подали листъ бѣлой бумаги съ карандашемъ, и онъ написалъ нѣсколько словъ, которыя хотя съ перваго взгляда, по недокончанію однихъ, и по опущенію и неясности литеръ въ другихъ, не представляли въ себѣ понятной рѣчи; но потомъ по внимательномъ разсмотрѣніи открылись въ несформированыхъ словахъ сихъ многія изъ тѣхъ литеръ и слоговъ, по которымъ можно не ошибаясь читать въ нихъ

сіе воззваніе псалмопѣвца: *что воздамъ Господеви о всемъ яже воздаде ми.*

Послѣ сего онъ опять всталъ и началъ уже заговариваться. Это подало поводъ думать окружающимъ, что онъ въ послѣднее молился, но будучи положенъ на постелю, онъ опять сталъ креститься такъ какъ и прежде. Это былъ вѣрный знакъ, что онъ опять былъ въ памяти, и опять въ сердцѣ читалъ молитвы. За симъ онъ обнявъ крѣпко, прижалъ къ груди своей обнимавшаго его плачущаго друга его, и опять началъ креститься. Это былъ уже угасающій лучь его смысла. Дыханіе его, за нѣсколько часовъ предъ симъ сдѣлавшееся частымъ и сопровождаемое изрѣдка краткими стонами, сдѣлалось еще чаще, такъ что рѣшительно словъ его, которыми онъ хотѣлъ что то сказать, ни какъ не возможно уже было разобрать.

Въ сіи нѣсколько минутъ предъ его предсмертнымъ безчувствіемъ, живущая въ немъ по самую смерть любовь къ бли-

жнимъ еще разъ выглянула. Онъ уже совершенно обезсиленный болію въ груди, которая отъ времени до времени оказывалась краткими стонами, такъ умильно взглянулъ на объемлющаго его вышеписаннаго друга, что симъ однимъ взглядомъ, сильнѣе многихъ нѣжнѣйшихъ словами изъявленій любви, говорилъ ему свое съ нимъ послѣднее прощаніе, и когда при такомъ его чертами лица изъявленіи нѣжной любви, болѣзненный стонъ, излѣтѣвъ, смутилъ сей его умильный взглядъ, это было лишь на одно мгновеніе, и онъ, вздохнувъ тяжко отъ боли, тотчасъ принялъ тотъ же умильный видъ, которымъ любовь въ послѣднее выказывалась на его лицѣ, о, какъ сильно выражалъ любовь этотъ взглядъ.

Часу съ пятаго по полудни до седьмаго онъ хотя былъ еще въ чувствѣ, но уже уста его не двигались, дышалъ тяжко и стоналъ отъ времени до времени, прикладывая руку къ лѣвому боку.

Часовъ въ 8 онъ впалъ уже въ совершенное безпамятство, которое показывали и мутные остановившіеся глаза. Дышалъ онъ хотя тяжко же, но уже безъ стона и кажется не чувствовалъ ни какой боли, которая по видимому съ лишеніемъ чувствъ его оставила. Это предсмертное безчувствіе продолжалось до самой смерти. Такъ какъ за полчаса, или нѣсколько болѣе до смерти, дыханіе его, прекращаясь, останавливалось, но чрезъ минуту опять возобновлялось, съ нѣкоторой силою, и опять продолжалось частое. Сіе было раза три. Наконецъ въ 11 часовъ онъ, безъ малѣйшаго стона, дохнулъ продолжительнымъ вздохомъ и остановился, потомъ дохнулъ еще раза два тихо и кратко, и это было послѣднее его дыханіе.

Тутъ воспріяли прежній свой видъ черты его лица, которое въ послѣдній день болѣзни его имѣло видъ не похожій на лице его, какъ оно казалось всегда. Еще часа за два до предсмертнаго его безчув-

ствія онъ не обращалъ уже ни какого вниманія на предстоящихъ; не узналъ и премногого любимой и уважаемой имъ г. игумены Спасобородинской, пріѣхавшей принять послѣдніи его вздохъ, и закрыть ему глаза. За два дни онъ съ нею говорилъ очень явственно и между прочимъ сказалъ что отдаетъ ей (ея обители) свое тѣло. Такъ закатилось наше всеѣлюбезнѣйшее свѣтило, свѣтившее намъ многіе годы.

За симъ неизлишнимъ почитается въ семъ жизнеописаніи Князя сказать нѣчто о его наружности. Роста былъ онъ малаго и худощавъ тѣломъ. На лице былъ онъ моложавъ, такъ что никто не давалъ ему столько лѣтъ, сколько ему было въ самомъ дѣлѣ. Волосъ на головѣ у него оставалось не много, и то лишь на задней части головы и въ вискахъ. Передняя же часть и все темя были совершенно обнажены. Съ молоду онъ былъ пригожъ лицемъ, и хотя небольшаго роста, но хорошо сложенъ, имѣя всѣ части тѣла соразмѣрными. Глаза имѣлъ каріе, носъ сред-

ней величины. Живой румянецъ въ молодости игралъ всегда на щекахъ его; въ старости же показывался лишь послѣ продолжительнаго движенія, или послѣ долгаго пребыванія на открытомъ воздухѣ зимою. Со времени отпущенія усовъ военнослужащими отпустилъ и онъ у себя усы. Любилъ онъ ходить пѣшкомъ. Въ молодости живучи въ С. Петербургѣ, онъ всякой день прохаживался по улицамъ, а въ деревнѣ всегда предъ обѣдомъ ходилъ часъ или два по окрестностямъ своего села. Даже и въ старости онъ не оставлялъ сей привычки, по которой и не держалъ лошадей живучи въ городѣ. Года еще за три до смерти, онъ сталъ чувствовать усталость, когда подимался вверхъ по лѣстницѣ. Хотя здоровье его было всегда слабое, однако же онъ не часто хворалъ такъ, чтобы слечь въ постель, или болѣе двухъ дней невыходить изъ дома. Когда онъ занимался обученіемъ учениковъ, то чтобы при умственномъ занятіи семъ не праздными оставались руки, онъ упраж-

нялся въ вязаніи снурковъ на рожкахъ, которые потомъ отдавалъ окрасить и употреблялъ для Церковныхъ надобностей. Не любилъ имѣть прислуги. Безъ всякой сторонней помощи самъ одѣвался и раздѣвался, и прочія нужды около себя отправлялъ самъ. Въ молодости, покамѣсть продолжалъ военную службу, онъ курилъ табакъ, но по времени, оставилъ и сію съ прочими прихотями, отсѣченіе которыхъ было послѣдствіемъ его прилѣпленія къ духовности. Съ сего времени ни что уже прихотливое не входило въ число его потребностей, какъ относительно къ столу его, такъ и къ его гардеробу. Иногда даже лишалъ онъ себя и нужнаго, для своего духовнаго очищенія.

Первоначальная въ немъ болѣзнь, имѣвшая большее вліяніе на его здоровье во все теченіе его жизни, была простуда желудка, приключившаяся ему въ службѣ, въ заграничномъ его морскомъ походѣ. Хотя онъ возвратясь въ Россію, послѣ пе-

реѣзда нѣсколькихъ тысячь верстъ, поправилъ свое здоровье въ тогдашнихъ молодыхъ лѣтахъ; однако же въ послѣдствіи болѣзнь сія, возвращаясь по временамъ въ первоначальномъ и въ иныхъ видахъ, продолжала подрывать его слабый составъ. Доколѣ наконецъ, она положила конецъ его жизни на шестьдесятъ третьемъ году отъ рожденія—1844 года, 25 Апрѣля.

ОТДѢЛЕНІЕ IVе.

Духъ и правила Князя. Приглашеніе подражать ему.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Прибавленіе къ тремъ предъидущимъ четвертаго отдѣленія—Обозрѣваемыя добродѣтели Князя—Благочестіе его — Страхъ Божій въ немъ издѣтска—Набожность его, плодъ просвѣщеннаго ума—Любовь къ Спасителю—Образованное сердце — Непогрѣшительность въ избраніи предметовъ любви и прилѣпленіе къ нимъ—Жалкое употребленіе высокихъ способностей ума въ людяхъ страха Божія не имѣющихъ — Все доброе на земли служило Князю лѣствицею къ благамъ небеснымъ—Всякое дѣло Князь начиналъ благословясь—Охотное его продолженіе рѣчи о предметахъ духовныхъ—Охотное чтеніе въ слухъ предъ слу-

шателями книгъ священнаго писанія и прочихъ духовныхъ—Болѣзнованіе его о невѣжествѣ въ законѣ Божіи низшихъ классовъ людей—Стараніе его къ наученію находящихся въ тюрьмѣ и въ Богадѣльнѣ — Какимъ образомъ — Труды его въ обученіи — Приспособленіе метода ученія—Статьи ученія—Прочность ученія — Замѣчаніе посѣтителей тюрьмы насчетъ сего ученія — Попеченіе о заключенныхъ въ тюрьмѣ—Пріобщеніе арестантовъ Св. Тайнамъ въ храмѣ Божіемъ—Ежедневное бесѣдованіе его съ ними—Слово утѣшенія имъ отъ него—Молва о Князѣ далеко пронеслась—Обращеніе къ нему самому—Любовь Князя къ православной нашей Церкви—Рѣчь его со всѣми — Дружелюбный тонъ—Какъ принялся Князь за дѣло Судьи — Дальнѣйшее прохожденіе имъ званія сего — Неисправность по письменнымъ дѣламъ всегда принималъ онъ къ сердцу — Опасеніе Князя при выслушаніи просьбъ тяжущихся—Осторожность въ разбирательствѣ дѣлъ—Прилежаніе къ должности—Примѣръ тому — Воспоминаніе Князя о смерти нестрашливое – Отвращеніе его отъ пересудовъ—Рѣчь его о предметахъ духовныхъ безъ занимания—Опасается и бѣгаетъ тщеславія—Смиреніе и кротость отличительныя черты его характера — Нестяжательность его и безкорыстіе — Испрашиваніе

Княземъ подаянія отъ богатыхъ на бѣдныхъ— Иногда и не во время—Воззваніе къ богатству— Доля богатаго по Священному Писанію - Бѣдность—Много пользуетъ къ спасенію—Бѣдное состояніе ближе къ духовной нищетѣ и совмѣстнѣе съ любовію нежели богатство—Обращеніе къ Князю—Расположеніе Князя къ благотворенію—Памятованіе Княземъ одолженія ему сдѣланнаго—Стараніе его воздавать за благодѣянія—Примѣръ довѣренности къ Князю отъ гражданъ — Изысканіе имъ нуждающихся въ Городѣ—Слабость здоровья придаетъ цѣну его трудамъ — Дневныя труды его по дѣламъ его званія.

Приглашеніе подражать покойному Князю въ добродѣтеляхъ его—Въ истинномъ благородствѣ—Въ возздѣланіи талантовъ своихъ— Въ прилежномъ отправленіи должностей — Въ правосудіи его—Въ употребленіи, индѣ строгости, индѣ снисхожденія—Въ посѣщеніи храма Божія частомъ, ежедневномъ—Въ исполненіи всѣхъ Христіанскихъ обязанностей—Въ причащеніи Святыхъ Таинъ Христовыхъ каждый постъ и въ день Святыя Пасхи—Въ непривязанности къ міру—Въ служеніи ближнимъ всѣми силами—Въ отвращеніи отъ всего богопротивнаго—въ милостынедаяніи—Соразмѣряя даянія доходамъ нашимъ—и неотдѣляя никогда

на милостыню менѣе десятой доли всего дохода—При исполненіи Заповѣди Евангелія о милостынѣ небыло бы бѣдныхъ просящихъ—И десятая доля доходовъ отъ богатыхъ города достаточна на содержаніе всѣхъ бѣдныхъ, неимущихъ – Хорошо не отъ избытка токмо, но и отъ лишенія подавать милостыню—Совершенство Христіанское чего требуетъ—Приглашеніе подражать Князю въ подаяніи немогущимъ просить—въ подаяніи въ Богадѣльню - въ благотвореніи арестантамъ—Крѣпостнымъ людямъ — въ сбереженіи времени — дорожа не часами токмо, но и минутами – въ воздаяніи всѣмъ должнаго — въ изгнаніи пересудовъ изъ разговоровъ нашихъ — и въ прочихъ добродѣтеляхъ.

По изложеніи въ трехъ предъидущихъ отдѣленіяхъ біографіи Князя, писатель оной почелъ нужнымъ присовокупить къ нимъ еще и сіе четвертое, въ первой половинѣ котораго обозрѣніемъ добродѣтелей Князя онъ раскрываетъ духъ и правила его; а въ послѣдней приглашаетъ подражать

добродѣтельной его жизни. Начнемъ обозрѣніе сіе съ благочестія Князя

Сія первѣйшая добродѣтель была въ немъ въ высокой степени. Она особенно возвышала его духъ и придавала блескъ всѣмъ прочимъ его добродѣтелямъ. Страхъ Божій, еще домашнимъ воспитаніемъ въ немъ всажденный, и потомъ въ зрѣлыя лѣта глубоко пустившій корни свои въ сердце его, ни когда уже не ослабѣвалъ въ немъ. Чтеніе Священнаго Писанія и духовныхъ книгъ, бывъ его постояннымъ занятіемъ, отчасу болѣе утверждало его въ благочестіи и благонравіи. Набожность его была плодомъ просвѣщеннаго его ума. Онъ любилъ Господа Іисуса Христа, поелику зналъ и чувствовалъ благодѣянія, какія Сынъ Божій явилъ роду человѣческому своимъ смиреніемъ даже до смерти, смерти же крестныя.

Подлинно образованное имѣлъ онъ сердце, ибо любилъ то одно что достойно любви, и по мѣрѣ сего достоинства была и

степенью привязанности, такъ что Высочайшее благо не встрѣчало въ немъ ничего ему соперничествующаго.

Сію непогрѣшительность въ избраніи предметовъ для сердца, и прилѣпленіе къ нимъ можетъ доставить одна христіанская вѣра, и ни кто, не просвѣщенный сею вѣрою или слегка лишь озаряемый ею, не можетъ имѣть истинно образованнаго сердца. При всей обширности ума, если страхъ Божій не имѣетъ мѣста въ человѣкѣ, какое жалкое видится употребленіе и самыхъ высокихъ умственныхъ способностей, какое неумѣстное прилѣпленіе сердца къ вещамъ, которыя непремѣнно съ упрекомъ указали бы высокому уму его низкое избраніе, если бы страсти, ослѣпляющія умъ и властвующія надъ нимъ, допустили ему хотя на минуту прозрѣть.

Все доброе въ мірѣ семъ, которое свыше просвѣщенный умъ Князя избиралъ, служило ему лѣствицею къ высшимъ благамъ и къ самому Высочайшему, въ ко-

торомъ единомъ обрѣтается довольство для ненасытнаго на земли человѣческаго сердца, — въ которомъ, покой, радость, миръ и утѣшеніе паче всякаго утѣшенія. Внѣ же его всякое зло, превращающее въ безчиніе весь чинъ въ душѣ по образу Божію созданнаго человѣка.

Покойный Князь всякое дѣло начиналъ благословясь, а нѣкоторыя поважнѣе съ молебствіемъ церковнымъ, которое также имѣло мѣсто и по благоуспѣшномъ окончаніи. Какъ охотно онъ говаривалъ о предметахъ духовныхъ! Какъ неумолкно, неутомимо, продолжалъ онъ рѣчь о семъ! Любилъ онъ и читать вслухъ при слушателяхъ книги Священнаго Писанія и иныя духовныя, любилъ при такомъ его чтеніи, останавливаясь; разсуждать о прочтенномъ. Ни чѣмъ не можно было ему болѣе угодить въ бесѣдѣ, какъ предложеніемъ такого чтенія, за которое онъ тотчасъ принимался съ особеннымъ удовольствіемъ.

Любовь его не могла видѣть безъ сокрушенія того всеобщаго невѣжества въ

законѣ Божіемъ которое превозмогаетъ въ низшихъ классахъ людей, особенно же въ классѣ крестьянъ. которые, при неграмотности своей, не бывъ ни когда ни кѣмъ обучаемы, не имѣютъ почти ни какого понятія о вѣрѣ и Законѣ Божіи; и когда представлялась возможность хотя нѣсколько пособить имъ въ семъ ихъ важнѣйшемъ недостаткѣ, онъ не упускалъ къ тому случаевъ. Поступивъ въ члены тюремнаго комитета и Почетные Директоры Богоугодныхъ заведеній, онъ, какъ выше сказано, главное свое вниманіе обратилъ на сіе невѣжество въ арестантахъ и въ богадѣльнѣ помѣщенныхъ. Посѣщая тѣхъ и другихъ почти ежедневно, онъ при всякомъ такомъ съ ними свиданіи, употреблялъ нѣкоторое время на объясненіе имъ главнѣйшихъ догматовъ Христіанской вѣры, такъ какъ они изображены въ краткомъ катихизисѣ, для народныхъ училищъ издаваемомъ, съ примѣненіемъ рѣчи къ скудному слову и къ ограниченному понятію сихъ некнижныхъ людей. По великой трудно-

сти знакомить ихъ не ученыхъ съ предметами духовными, онъ вынужденъ былъ заключить все ученіе сіе въ нѣсколько краткихъ вопросовъ о самоважнѣйшихъ истинахъ, ими ограничить все ихъ познаніе о семъ предметѣ, и повторять все тоже и тоже дотолѣ, пока учащіеся твердо затвердятъ ихъ. А какъ долгое время требовалось, чтобы они могли безошибочно отвѣчать на вопросы сіи, то онъ съ большею частію учениковъ ученіемъ своимъ подавался впередъ довольно медленно, и сіе тѣмъ паче, что продолжительнымъ своимъ толкованіемъ сихъ вопросовъ и отвѣтовъ онъ старался сдѣлать имъ ихъ какъ можно вразумительнѣе, подраздѣляя выученные вопросы изъ вышеписаннаго малаго числа на дальнѣйшіе вопросы, на которые учащіеся должны были отвѣтствовать своими словами.

Князь положилъ обучать кратко арестантовъ и въ богадѣльнѣ живущихъ слѣдующимъ статьямъ Катихизическаго ученія.

О человѣкѣ съ безсмертною разумною душею.—О потребностяхъ ко спасенію души, именно: о вѣрѣ, о добрыхъ дѣлахъ и о молитвѣ.

Въ статьѣ о вѣрѣ, онъ училъ ихъ: о Богѣ въ Святой Троицѣ поклоняемомъ, о искупленіи человѣковъ сыномъ Божіимъ, о освященіи ихъ благодатію Святаго Духа, и о Таинствахъ Церковныхъ, какъ такихъ средствахъ, чрезъ которыя благодать Божія сообщается.

Въ статьѣ о заповѣдяхъ, онъ обучалъ ихъ преимущественно двумъ главнымъ заповѣдямъ любви, неоставляя преподавать кратко и о всѣхъ десяти.

Въ статьѣ о молитвѣ онъ обучалъ ихъ молитвѣ Господней и о необходимости молиться для полученія благодати Божіей.

Къ сему, въ послѣдней статьѣ, онъ присоединялъ ученіе о смерти, о воскресеніи мертвыхъ, о Судѣ, о Раѣ и Адѣ, и о томъ что ожидаетъ людей по смерти, въ томъ и другомъ состояніи.

Доказательствомъ тому, какъ прочно они были обучаемы, служитъ примѣръ одного, или двухъ изъ арестантовъ, возвратившихся въ тюрьму, черезъ годъ времени, по новымъ преступленіямъ, и ничего незабывшихъ изъ выученнаго въ тюрьмѣ, вовсе безъ повторенія. Обстоятельство сіе показываетъ вмѣстѣ, и прилежный трудъ учителя, и мало воспользовавшихся ученіемъ учениковъ, которыхъ, къ утѣшенію Князя, было возвратившихся такимъ образомъ одинъ или двое.

Нѣкоторые изъ свидѣтелей сего необычайнаго неграмотныхъ въ Законѣ Божіемъ познанія, говорили Князю: какъ сбывается на сихъ арестантахъ та истина, что Господь благоволитъ иногда изъ зла извлекать для насъ добро. Преступленіе привело ихъ въ тюремное заключеніе; тюремное же заключеніе послужило къ просвѣщенію ихъ вѣрою и закономъ Божіимъ, котораго они, вѣроятно, не побывавъ въ тюрьмѣ при такомъ попечителѣ о заключенныхъ, никогда бы неполучили.

Заключенные въ тюрьмѣ находили въ Князѣ самаго заботливаго попечителя о ихъ благосостояніи по душѣ и по тѣлу. Однажды великимъ постомъ арестанты здѣшняго Уѣзда, по его усильной просьбѣ, допущены были пріобщиться Святыхъ Таинъ, въ Соборномъ храмѣ, во время обѣдни, которую они слушали тамъ отъ начала до конца. Впервые еще вѣковый храмъ сей видѣлъ въ стѣнахъ своихъ совершающимся сіе небывалое дѣло, видѣлъ изъ городской тюрьмы преступниковъ приступающихъ къ принятію залога всеобщаго роду человѣческому прощенія, всеобщаго примиренія съ Богомъ. Вселюбезнѣйшій Князь! ты ихъ велъ, ты, материнскимъ правомъ облеченный, представлялъ ихъ къ трапезѣ жизни. Ты ни кому нехотѣлъ уступить сего твоего права. О какъ радовался, какъ игралъ торжествующій духъ твой! Чрезъ годъ за симъ видѣли мы арестантовъ опять выводимыхъ изъ тюрьмы, но не для шествія съ тобою ко храму, а........... что бы встрѣтивъ несомое на погребеніе тѣло

твое, проститься съ тобою послѣднимъ цѣлованіемъ.

Сильна любовь, сильна какъ смерть любовь. Ежедневно отверзались ею для входа Князя двери темницы, и онъ спѣшилъ туда какъ миролюбцы на пиръ, чтобы возсѣдши на голую скамью въ семъ тѣсномъ мрачномъ, смрадномъ узилищѣ, вступать въ собесѣдованіе съ арестантами. О, какъ великъ казался онъ въ сіе мгновеніе съ такимъ себя униженіемъ вѣщающій назидательное слово братіи о Христѣ, хотя и узникамъ, и уговаривающій ихъ уклонившихся къ порокамъ, возвратиться на путь добродѣтели! Слова его печатлѣлись на сердцахъ, отражались на лицахъ.

Пріемля въ разсужденіе такое милостивое и снисходительное обращеніе Князя съ пересыльными арестантами, можно со всею вѣроятностію полагать, что имя его (давно уже сдѣлавшееся извѣстнымъ въ здѣшнемъ краю) пронеслось до дальнѣйшихъ предѣловъ пространнѣйшей нашей Имперіи;

и что я, смиренный богоугодныхъ его дѣлъ повѣствователь, возвѣщаю здѣсь то, что возвратившіеся въ полки свои дезертиры водворенные въ селенія свои, пропадавшіе крестьяне, поселенные на берегахъ Тобола и за Байкаломъ ссылочники, что тысячи устъ сихъ несчастныхъ имъ призрѣнныхъ и утѣшенныхъ, повторяли по всему своему пути до самыхъ мѣстъ ихъ пересылки и водворенія. Итакъ, боголюбивый Князь, смерть сокрыла отъ насъ только твой внѣшній образъ; молва же о твоихъ дѣлахъ ни чего отъ того не утратила.

Любя Господа Іисуса, Князь не могъ не любить и Святую матерь нашу, православную нашу церковь, отрождающую насъ въ жизнь вѣчную. Любя Главу, могъ ли онъ не любить и Тѣла. Онъ любилъ ея священные уставы, любилъ ея православіе. Почиталъ и уважалъ ея служителей, изъ которыхъ многихъ онъ имѣлъ близкими къ своему сердцу. Хотя покойный Князь

былъ ревнитель по православію, но полемическихъ преній, и споровъ не терпѣлъ, бывъ убѣжденъ, что всѣ таковыя состязанія кончались чаще взаимной холодностію, нежели соглашеніемъ противящихся сторонъ, скорѣе утверждали въ разномысліи нежели приводили къ единомыслію, и почти всегда уязвляли любовь, не доставляя ни кому ни какой пользы. Бесѣда его была всегда дружественная, привѣтствія любви всегда сопровождали оную. Дружелюбный тонъ такъ смягчалъ жестокія для міра истины, что онѣ, касаясь, сердца, не оскорбляли господствующаго въ немъ честолюбія.

Князь, прослужившій долгое время въ военной службѣ, и мало упражнявшійся въ юриспруденціи, когда былъ избранъ для занятія мѣста судьи, къ здравому разсудку присоединялъ опытомъ и чтеніемъ пріобрѣтенное юридическое познаніе. Дальнѣйшее служеніе научило его, какъ принимать оправданія отъ тѣхъ подсудимыхъ,

которые, бывъ виновны, ищутъ ускользнуть изъ рукъ преслѣдующаго ихъ правосудія, — какъ преступленія прикрывающіяся обезвинающими обстоятельствами обнажать.

Покойный всегда принималъ къ сердцу всякую неисправность по письменнымъ дѣламъ суда. Всякое такое открытіе придавало ему осторожности, и онъ не переставалъ ее внушать своимъ сочленамъ и своимъ подчиненнымъ. Когда же начальство открывало какую оплошность или опущеніе, по дѣлопроизводству суда, онъ въ объясненіяхъ своихъ ни когда не употреблялъ изысканныхъ оправданій, но чистосердечно признавался въ своемъ недосмотрѣніи, и просилъ милостиваго снисхожденія къ себѣ и къ подчиненнымъ своимъ.

Въ разсмотрѣніяхъ тяжбъ съ обѣихъ сторонъ, и особенно въ выслушаніи просьбъ лично ему объясняемыхъ отъ истцевъ и отвѣтчиковъ, онъ не мало опасался, какъ бы не приложиться къ неправой сторонѣ,

а потому въ сомнительныхъ дѣлахъ и запутанныхъ онъ, при разсматриваніи оныхъ, наблюдалъ большую осмотрительность. Всякій проситель могъ всегда найти его въ судѣ до опредѣленнаго часа и далѣе. Если и не находилось дѣлъ къ слушанію и разсмотрѣнію, онъ до втораго часа по полудни не оставлялъ своего судейскаго мѣста, ожидая, не придетъ ли еще кто по своей нуждѣ.

Примѣромъ его прилежанія къ должности можетъ служить слѣдующее обстоятельство. Въ 1836 году ему необходимо было побывать въ Вяземскомъ женскомъ монастырѣ, чтобы отдать послѣдній долгъ умершей сестрѣ, и утѣшить остающуюся въ живыхъ. Хотя Вязьма отъ Можайска во ста двадцати верстахъ, онъ такъ слеталъ туда, что успѣлъ воротиться къ первому присутственному дню, послѣ того, въ который по окончаніи присутствія отправился. Къ счастію его тогда пятница случилась днемъ праздничнымъ, не присутственнымъ. Въ четвертокъ онъ уѣхалъ

изъ Можайска, а въ понедѣльникъ по утру былъ опять въ присутствіи.

Возрастъ старости и частая хворость заставляли Князя не рѣдко воспоминать о смерти, съ размышленіемъ о которой припоминаемы были имъ слова мудраго: *Помни послѣдняя твоя и во вѣки не согрѣшиши*, которыя наконецъ такъ глубоко впечатлѣлись въ сердцѣ его, что всякой грѣхъ указывалъ ему на смерть и на состояніе грѣшника не раскаяннаго по смерти. Вѣра и надежда научили его безбоязненно говорить о смерти, и онъ за два дни до кончины своей разсуждалъ о ней неустрашимо съ посѣтившей его особою во всемъ съ нимъ единомысленной.

Какъ о нѣкоторыхъ предметахъ онъ любилъ разговаривать, такъ отъ другихъ всегда уклонялся въ разговорахъ своихъ. Въ числѣ сихъ послѣднихъ замѣчательно было его отвращеніе отъ пересудовъ. Сомнѣваюсь, чтобы кто слыхалъ когда отъ него сужденіе о ближнемъ съ невыгодной сто-

роны, или осужденіе ближняго въ какомъ либо проступкѣ. Отъ частаго обращенія его слова къ наставленію въ благонравіи, рѣчь его о семъ предметѣ была безъ запинанія, и въ тонѣ голоса его было нѣчто убѣдительное, которое особенное имѣло дѣйствіе на не книжныхъ и не ученыхъ.

Тщеславія онъ такъ и бѣгалъ и опасался, что отнюдь не дозволялъ себѣ останавливать вниманія на своей похвалѣ. Смиреніе и кротость, какъ сказано выше, были его отличительными добродѣтелями. Онѣ были такъ близки къ его сердцу, что міръ, ненавидящій ихъ, не хотѣлъ простить ему такого съ ними сближенія.

Съ благочестіемъ стяжалъ Князь нестяжательность и безкорыстіе, которыя были необходимы къ утвержденію его въ истинномъ христіанствѣ. Изъ жалованья своего, единственнаго его дохода, проживалъ онъ на себя лишь ту малую часть, которую требовали его, во всѣхъ потребностяхъ жизни, самыя умѣренныя издер-

жки. Все остальное было достоянiемъ братiевъ Христовыхъ. Князь, по небогатому своему состоянiю, небольшее свое подаянiе дополнялъ приношенiемъ въ пользу ближнихъ своихъ трудовъ и попеченiй, которые при ихъ неутомимости, и при слабомъ его здоровьѣ, конечно замѣняли богатые дары. Въ денежномъ же подаянiи, когда самъ онъ не могъ значительно помогать неимущимъ, то испрашивалъ имъ помощи отъ тѣхъ, которые были богаче его. Такое испрашиванiе ревность его производила не всегда благовременно; иногда было оно и безвременно, но уваженiе, которое имѣло къ нему общество, и совершенная увѣренность, что даръ отъ нихъ не можетъ быть употребленъ полезнѣе, какъ изъ рукъ Князя, отнимало у безвременiя сего всю непрiятность онаго. Князь же, не столько обращавшiй вниманiе на мiрскiя благоприличiя, сколько на умноженiе суммы для бѣдныхъ, и не замѣчалъ, что онъ не во время подходилъ съ подпискою.

Богатство! многіе стараются выказывать тебя съ благопріятной стороны, но ни кто не нашелся и не найдется опровергнуть той истины, что неудобь богатый внидетъ въ Царствіе Божіе. Хорошее употребленіе богатству можетъ дѣлать токмо преуспѣвшій въ благочестіи, научившійся противиться своей волѣ развращенной и исполнять волю Божію святую и совершенную, — научившійся въ потребностяхъ своихъ ограничиваться одними необходимостями жизни по слову Апостола: *Аще имѣемъ пищу и одежду, симъ довольны да будемъ.* Доля всякаго богача, собственно ему принадлежащая изъ всего его богатства, есть только одно самое нужное. Во всемъ прочемъ онъ лишь приставникъ, получившій въ руки свои богатство, для раздаянія онаго неимущимъ. Не многіе, думаю, пожелали бы быть богатыми на такихъ условіяхъ. Ибо съ возложеніемъ на богатство выше писаннаго запрещенія, оно было бы не малымъ бременемъ. Но такое бремя необходимо нести богато-

му, чтобы не попасть въ число тѣхъ богачей, которымъ неудобенъ входъ въ Царствіе Божіе. Притомъ, сколько искушеній предстоитъ богатому такихъ, которыхъ бѣдные избавлены, и всѣ онѣ опаснѣе тѣхъ искушеній, которыхъ не изъята и бѣдность. *Желающіе обогащаться*, говоритъ тотъ же Апостолъ, *впадаютъ въ искушеніе и въ сѣть.* Какъ не устрашаетъ богатыхъ, въ духѣ міра наслаждающихся богатствомъ своимъ, Евангельская притча объ очутившемся по смерти въ адскихъ мукахъ богачѣ, которому не приписывается ни какихъ иныхъ преступленій, кромѣ своевольной роскошной жизни и немилосердія къ бѣдному Лазарю; такихъ пороковъ, которыхъ не изъяты очень многіе богачи, почитающіе позволительнымъ жить въ свое удовольствіе и необращающіе должнаго вниманія къ тѣмъ лицамъ, которымъ они какъ приставники отъ Домовладыки своего, отъ управляющаго міромъ и всемъ что въ мірѣ, поставлены раздавать весь, за необходимостями жизни, остатокъ своего богатства.

Напротивъ, бѣдность, какъ ни тяготятся ею люди, много пользуетъ ко спасенію. Она всегда чужда роскоши, и почти всегда той гордости, которая есть отличительная черта богатыхъ, умѣренна во всемъ по необходимости. Она гораздо ближе къ духовной нищетѣ, безъ которой невходятъ въ Царствіе Божіе, нежели богатое состояніе, душу человѣка, для благъ небесныхъ сотворенную, къ земнымъ благамъ крѣпко привязывающее. Самая любовь, сія первѣйшая и необходимѣйшая добродѣтель Христіанская, совмѣстнѣе съ бѣдностію, нежели съ богатствомъ, какъ въ томъ удостовѣряетъ насъ сама воплощенная Любовь, которая, имѣя въ рукахъ своихъ весь міръ и все что въ мірѣ, предпочла богатому бѣдное состояніе, принимать милостыню понуждающее.

Но обратимся къ Князю. Къ благотворенію вообще онъ былъ особенно расположенъ, а потому и производилъ оное очень охотно. Когда же самому ему случалось отъ кого либо получить какое одол-

женіе, онъ ни когда не позабывалъ онаго, и доколѣ не успѣетъ сдѣлать возврата одолжившему, не терялъ изъ виду благодѣянія ему сдѣланнаго, изыскивая между тѣмъ средства къ воздаянію. Апостольское слово: *благотворенія и общенія не забывайте*, было глубоко впечатлѣннымъ въ его сердце.

По такому его расположенію къ благотворительности, Князь пользовался всеобщимъ уваженіемъ и довѣренностію отъ граждан. Довѣренность сія простиралась до того, что одинъ изъ нихъ, желавшій употребить три тысячи рублей на пользу города, сокрывъ имя свое въ семъ пожертвованіи, вручилъ Князю билетъ сохранной казны въ сію сумму, прося его, чтобы онъ, согласно съ симъ его намѣреніемъ, употребилъ оный по своему благоусмотрѣнію; что и было исполнено Княземъ, какъ только общественныя нужды потребовали такихъ издержекъ.

Въ послѣдствіи времени общительность сдѣлалась отличительной чертою его ха-

рактера, такъ что онъ недовольствовался вспоможенiемъ приходящимъ къ нему за-милостынею, но самъ ходилъ помогать больнымъ и нуждающимся, выискивая таковыхъ въ убогихъ жилищахъ ихъ. Какъ неошиблись начальство и граждане, избравъ его Почетнымъ Директоромъ богоугодныхъ заведенiй, при такихъ его благотворительныхъ свойствахъ. Это случилось въ то время его жизни, когда слабость здоровья и старость лѣтъ придавали дѣятельности его большую цѣну. За визитами его въ судъ, въ тюрьму въ больницу, въ богадѣльню и въ домы страждущихъ не много оставалось у него свободнаго времени. Любилъ онъ сiи визиты, и болѣе прилѣплялся къ нимъ нежели самые разсѣянные миролюбцы къ шумнымъ собранiямъ для удовлетворенiя тамъ своихъ грѣховныхъ склонностей.

Блистательны, сiятельный, были сiи твои посѣщенiя, въ которыхъ ты утѣшалъ, наставлялъ, благотворилъ. Евангелiе, сiе любимое твое чтенiе, научило тебя въ сихъ переходахъ отъ одного благотворенiя къ

другому, подражать твоему Владыкѣ и Господу, который, бывъ на земли, изъ града во градъ, изъ веси въ весь ходилъ благотворя. Самъ ты, любезнѣйшее наше свѣтило, зашелъ отъ насъ, но отблескъ твоихъ дѣлъ свѣтитъ и по твоемъ закатѣ, желающимъ подражать твоей вѣрѣ, любовiю споспѣшествуемой. Сiе тѣло твое, которое мы видѣли подвизающимся въ продолжительныхъ, съ напряженiемъ слабыхъ силъ переходахъ и бесѣдованiяхъ къ обитателямъ богадѣльни, къ пригвожденнымъ къ одру въ больницѣ, и къ заключеннымъ въ тюрьмѣ, сiе тѣло сокрылъ отъ насъ мрачный гробъ, и прiяли земныя нѣдра, для храненiя до онаго дне суднаго; но слава, но сiянiе дѣлъ твоихъ, наслѣдственное титло въ собственное твое претворяющихъ, не дадутъ высокому имени твоему изгладиться изъ памяти любящихъ правду и добродѣтель.

Въ заключенiе всего да дозволено будетъ моей любви помѣстить приглашенiе къ подражанiю добродѣтелямъ Князя.

Постараемся, возлюбленные о Христѣ братія, жить такъ, чтобы, подобно Князю, не себѣ угождать, но Богу. Незабываемъ никогда, что наслѣдственнаго благородства и присоединенныхъ къ нему привилегіи ни чѣмъ инымъ не можемъ мы показать себя достойными, какъ истинно благородными нашими поступками. Дабудутъ таланты наши, каждому по силамъ его отъ Бога ввѣренные, воздѣлываемы съ такимъ же прилежаніемъ и неутомимостію, съ какими покойный Князь трудясь заслужилъ общественную признательность и благословеніе памяти своей. Да будетъ и у насъ всегда на сердцѣ, какъ бы не сдѣлать, по должности своей, какого опущенія. Занимая мѣсто судьи, да вникаемъ съ прилежаніемъ во всякое судопроизводство, особенно такое, отъ рѣшенія котораго зависитъ участь человѣка. Вѣсы правосудія, намъ вручаемыя, да не уклоняемъ ни на которую сторону, по невниманію къ дѣлу, по лицепріятію, или по инымъ какимъ противузаконнымъ причинамъ. Да неоставля-

смъ, вникая въ дѣла, разсматривать, гдѣ по обстоятельствамъ дѣла давать мѣсто строгости законовъ, гдѣ умѣрять оную, по открывающимся такимъ причинамъ, которыя недозволяютъ подвергать виновнаго строгой взыскательности. Да непростирается никогда строгость наша до жестокости, но и тамъ, гдѣ слѣдуетъ употребить строжайшія мѣры, да не отступаетъ отъ насъ человѣколюбіе и милосердіе. Да будетъ глубоко впечатлѣннымъ въ сердцѣ судіи сіе закономъ постановленное правило: *Оказывать себя болѣе милостивымъ, нежели жестокимъ, памятуя, что и судья человѣкъ есть.*

Покойный другъ нашъ прилежно посѣщалъ церковь Божію. Всякой день дѣло званія своего начиналъ онъ, отслушавъ до часовъ присутствія, утреню и обѣдню, и заключалъ дневныя дѣла свои вечернимъ благодареніемъ Господа въ вечерней службѣ. Сіе упражненіе его въ торжественной молитвѣ сдѣлалось ему такою необходимою потребностію, что когда ему, по-

какому либо случаю, не удавалось присутствовать при которой либо изъ дневнихъ службъ Божіихъ, особенно при Литургіи, то день тотъ чувствовалъ онъ чего то важнаго недостающимъ въ отчетѣ, который давалъ себѣ въ дневныхъ занятіяхъ своихъ. Но такое лишеніе себя литургіи случалось весьма рѣдко; ибо ни какая погода, ни зимняя стужа, ни осенняя и весенняя по немощенымъ улицамъ грязь, не удерживала его въ храмъ Божій хожденія. Одна болѣзнь, поставлявшая его въ невозможность исполнить сей предписанный себѣ долгъ, могла только его отъ того удерживать. Вы, Іереи Божіи, всѣхъ городскихъ церквей, можете, свидѣтельствовать о семъ нелѣностномъ его храмовъ вашихъ посѣщеніи. Ибо не рѣдко случалось, что когда и никто изъ прихожанъ вашихъ не присутствовалъ при Богослуженіи, онъ прихаживалъ съ вами молиться въ ранніе утренніе часы. Будемъ же и мы ревностными ему подражателями, какъ въ частомъ хожденіи въ храмъ, такъ и въ

прилежномъ тамъ моленіи. Ибо не зазираетъ ли каждаго изъ насъ совѣсть, когда слыша благовѣстъ, предаемся неумѣренному сну, или, возставъ отъ сна, ни чѣмъ не занимаясь, сидимъ дома Трудно ли здоровому человѣку простоять какой либо часъ при службѣ Божіей, которая если, покажется намъ продолжительной, такъ это по нашему невниманію къ сему святому дѣлу. Внимающему же, по надлежащему, производимому тамъ пѣнію и чтенію, то есть участвующему въ молитвѣ, часъ сей сократится въ нѣсколько минутъ. А какая отрада душѣ, начинать день, начинать житейскія дѣла наши, благословившись въ храмѣ, освятившись присутствіемъ при безкровной жертвѣ. Сто кратъ пріятнѣе вкушать дома пищу, вкусивъ сперва съ престола Божія руками Іерейскими подаваемаго того освященнаго хлѣба, отъ котораго часть, таинственно преложившись въ тѣло Христово, дѣлаетъ престолъ церкви единымъ съ престоломъ небеснымъ. Не такъ скоро, не такъ легко

дерзнемъ мы на грѣхъ въ продолженіи дневныхъ нашихъ въ грѣховномъ мірѣ обращеній, ни устами, которыми предъ лицемъ церкви отъ сердца молились, и вновь обѣщались быть вѣрными Богу, и въ которыя пріяли часть вышеписаннаго освященнаго хлѣба ни руками, которыми въ подтвержденіе даваемыхъ нами предъ лицемъ церкви обѣтовъ вѣрности къ Богу, знаменовались крестнымъ знаменіемъ, и взимали святый даръ съ жертвенника Божія, всѣмъ присутствующимъ подаваемый. Нѣтъ сомнѣнія, что такое ежедневное посѣщеніе храма Божія отъ покойнаго Князя, много споспѣшествовало ему, много благодатствовало его къ разрѣшенію потомъ въ судѣ разныхъ трудностей и недоумѣній. Да не безплодной остается по смерти его продолжающаяся наша къ нему любовь, но да приноситъ воспоминаніе наше о немъ существенную для насъ пользу, дѣлая хожденіе наше во храмъ Божій цѣлѣпостнымъ при всякой возможности.

Покойный другъ нашъ, стараясь всегда быть ревностнымъ исполнителемъ всѣхъ обязанностей христіанской вѣры, съ особеннымъ благоговѣніемъ исполнялъ обязанность исповѣданія грѣховъ предъ священникомъ, и причащенія Святыхъ Христовыхи таинъ, къ которымъ и приступалъ во всѣ посты и въ первый великій день праздника Пасхи. Постараемся подражать ему и въ семъ нашемъ христіанскомъ долгѣ; и не довольствуясь по обычаю однократнымъ въ теченіи года причащеніемъ, понудимъ себя чаще приступать, съ надлежащимъ къ сему великому дѣлу пріуготовленіемъ, вѣруя и исповѣдуя, что Таинство сіе, неосужденно пріемлемое есть дѣйствительнѣйшее средство къ полученію благодати Божіей, въ которой мы всѣ имѣемъ необходимую нужду, не могши безъ нее сами по себѣ ниже помыслить, что доброе; и что напротивъ, имѣя въ себѣ оную, мы бываемъ уготованы на всякое дѣло благое въ семъ мірѣ, и къ соединенію съ Богомъ, чрезъ смерть, въ

будущемъ. Оставимъ, подражая возлюбленному нашему, лѣность и нерадѣніе, отвлекающія насъ отъ сего усладительнѣйшаго духовнаго брашна, и будемъ стараться возбуждать въ себѣ духовное къ нему алканіе, всѣми отъ учителей церкви, сихъ духовныхъ врачей, предписываемыми средствами. Не оставимъ, по семинедѣльномъ великопостномъ пріуготовленіи, приступать къ сему великому Таинству и въ самый Праздникъ Воскресенія Христова, по примѣру древнихъ любвеобильныхъ христіанъ, какъто читаемъ въ церковной исторіи тѣхъ временъ, и слышимъ, какъ бы въ обличеніе нашей холодности, положенное церковію читать, послѣ утренней службы въ день Пасхи Слово Св. Іоанна Златоустаго, исполненное усерднѣйшимъ призываніемъ христіанъ къ сему духовному пиру.

Покойный другъ нашъ, съ помощію благодати Божіей, поставилъ себя въ такое состояніе, что, любя и объемля всѣ возлагаемыя на него обязанности, какъ то

не укрывалось ни отъ кого, не чувствовалъ ни какой привязанности къ міру, въ которомъ живучи онъ такъ дѣятельно на пользу общую подвизался. Постараемся и мы, воодушевляемые любовію къ ближнимъ, служить имъ, сколько къ тому достанетъ нашихъ силъ, служить ко временной и вѣчной ихъ пользѣ; но отнюдь не содѣйствовать, и не участвовать съ ними ни въ чемъ, что хотя мало служитъ ко вреду ихъ. Постараемся бѣгать соблазненія другихъ съ такимъ опасеніемъ, какое возбуждаетъ евангельское о семъ слово (Матѳ. XVIII ст. 6. 7, 8, 9) и хотя бы весь міръ устремился къ чему либо богопротивному, будемъ, всѣми силами упираясь, не слѣдовать по влеченію его. Да соглашаемся скорѣе быть попираемы толпою, нежели влещись съ нею по пути соблазновъ, по пути беззаконія Постараемся отличать составляющихъ міръ, т. е. общество ближнихъ нашихъ, отъ грѣховныхъ обычаевъ міра, любя первое и ненавидя послѣдніе, и отнюдь не прикрывать любовь къ грѣ-

ховнымъ обычаямъ любовію къ обществу ближнихъ, не вдаваясь такимъ образомъ въ обманъ лукавому, который, по слову Священнаго Писанія, иногда преобразуется въ Ангела свѣтла.

Покойный другъ нашъ, какъ я сказалъ выше, отдѣлялъ на милостыню значущую часть всего своего дохода: постараемся и въ семъ подражать возлюбленному нашему, въ сей первѣйшей обязанности христіанина. Для богача, большими суммами располагающаго, и половина всего дохода будетъ не великимъ милостынедаяніемъ; для человѣка же съ доходомъ ограниченнымъ и десятая доля всего его дохода будетъ не малымъ пожертвованіемъ. Менѣе же десятой доли дохода своего христіанину съ безбѣднымъ состояніемъ отдѣлять на милостыню недостаточно. Ибо сію долю, по древнему еще закону обязаны были откладывать и Іудеи на общія нужды, каждый изъ своего дохода.

Невѣроятнымъ показалось бы дѣломъ для древнихъ святыхъ, или христіанъ (ибо тогда христіанинъ и святый были одно и тоже значеніе), если бы кто сказалъ имъ, что въ городѣ, населенномъ христіанами, имѣются сограждане, собратія, соучастники въ трапезѣ жизни, для продовольствія которыхъ достаточно бы было однихъ крохъ отъ трапезъ богачей, лишенными дневнаго пропитанія. И подлинно нельзя не удивляться, какъ при такой человѣколюбивѣйшей вѣрѣ можетъ имѣть мѣсто такая холодность, такое несостраданіе. Не потребуемъ половины, или трети, испросимъ хотя десятину дохода съ достаточныхъ жителей города, и какое обиліе польется для нуждающихся! Христіанская любовь къ нищимъ, къ симъ братіямъ Христовымъ, повелѣваетъ вѣрующимъ во Христа, великаго нашего милостынедателя, не токмо отъ избытка, но и отъ лишенія своего подавать неимущимъ. *Такосыми бо жертвами благоугождается Богъ.* Желающіе имѣть

понятіе о христіанскомъ совершенствѣ да слышать самаго Христа вѣщающаго: *Аще хощеши совершенъ быти, продаждь имѣніе твое и раздай нищимъ и иди въ слѣдъ меня.* Прошу и здѣсь, когда толкнется къ вамъ нищій за милостынею, или кто заимообразно просящій, прошу вспомнить нашего возлюбленнаго Князя, никогда не отказывавшаго въ милостынѣ; а въ заимодаяніи короткое время до смерти ссудившаго нуждающемуся въ деньгахъ всю свою наличную сумму.

Но покойный другъ нашъ въ дѣлѣ милостыни недовольствовался подаяніемъ однимъ приходившимъ къ нему и лично просившимъ помощи въ своихъ нуждахъ; онъ развѣдывалъ о такихъ бѣдныхъ, которые, по болѣзни или по инымъ причинамъ, не могутъ ходить по людямъ для изпрошенія себѣ помощи, и посѣщалъ ихъ самъ, внося въ ихъ бѣдныя хижины, и слово утѣшенія, и пособіе въ нуждахъ ихъ. — Постараемся подражать ему и въ семъ,

многихъ другихъ дѣлъ милостыни высшемъ. Не мало находится во всякомъ городѣ такихъ бѣдныхъ, которые лишены нетокмо необходимостей жизни, но и способовъ испрашивать себѣ оныя отъ доброхотныхъ дателей. Таковые не могутъ не быть предметомъ живѣйшихъ сожалѣній всякаго истинно Христіанскаго сердца. И можетъ ли любовь Христіанская, свѣдавъ о таковыхъ, не броситься къ нимъ въ туже минуту, для облегченія по возможности ихъ тяжкаго жребія.

Покойный другъ нашъ, изпросивъ отъ гражданъ согласіе на устроеніе Богадѣльни, такими-то безпомощными наполнилъ сей домъ милосердія. Онъ, какъ я сказалъ выше, съ помощію Божіею, собравъ жильцевъ въ богоугодное сіе заведеніе, набралъ и способы къ безбѣдному содержанію ихъ. Но какъ большая часть сихъ способовъ зависитъ теперь отъ участія въ поддержаніи сего заведенія Христолюбивыхъ вкладчиковъ, то, да дѣйствуетъ на сердца память о усопшемъ къ разширенію руки подаю-

щихъ въ богадѣльню. Онъ, умерши тѣломъ, духомъ не оставляетъ сего священнаго мѣста. Приходя въ богадѣльню съ нашими подаяніями, будемъ представлять себѣ, что отдавая ихъ приставнику, мы и теперь радуемъ любвеобильный духъ учредителя, и слышимъ его благодарящаго насъ и молящагося о насъ.

Покойный Князь, посѣщая заключенныхъ въ домахъ своихъ болѣзнями, по извѣстнымъ только днямъ, заключенныхъ въ тюрьмѣ арестантовъ посѣщалъ ежедневно, внося къ нимъ слово утѣшенія, которое оканчивалось всегда, какъ я сказалъ выше, преподаніемъ краткаго Катихизическаго ученія. Не оставимъ и мы, имѣющіе, по званію членовъ тюремнаго Комитета, всегдашній доступъ къ нимъ, простирать, какъ къ пребывающимъ постоянно въ городской тюрьмѣ, такъ и къ останавливающимся только на время пересыльнымъ, слово утѣшенія, исполняя тѣмъ и предписанное въ Законѣ Божіи, и тотъ долгъ, который мы взяли на себя вступивъ въ общество,

о благосостоянiи ихъ пекущееся. Неоставимъ также, нося на себѣ званiе помѣщиковъ и имѣя въ своемъ вѣденiи крѣпостныхъ людей, не оставимъ, подобно Князю, прилагать къ попеченiю нашему о временной ихъ пользѣ, попеченiе и о вѣчномъ ихъ спасенiи, о просвѣщенiи ихъ невѣжествующихъ, о наученiи Закону Евангельскому, дабы они могли вести себя во всемъ такъ, какъ Христiанская вѣра и ея высокая нравственность повелѣваютъ.

Покойный другъ нашъ не терпѣлъ праздности. Онъ, какъ мнѣ извѣстно, все время, остающееся ему ежедневно отъ службъ Божiихъ и отъ дѣлъ своего званiя, употреблялъ на образованiе своего сердца, занимаясь преимущественно духовными чтенiями, дабы чрезъ то, привлекши на себя благодать Божiю, дать сѣмени жизни вѣчной обрѣсти въ себѣ ниву свою воздѣланной и прiуготовленной; такъ, что отдохновенiемъ ему въ сихъ домашнихъ упражненiяхъ служила перемѣна чтенiя однихъ книгъ, на другiя; чтенiе книгъ тре-

бующее не большаго напряженія ума служило ему отдохновеніемъ отъ чтенія утомительнаго. Постараемся и мы дорожить временемъ нашимъ, зная, что сими краткими и скоропреходящими днями и часами пріобрѣтается вѣчность непреходящая, безконечная, или блаженствовать вѣчно, или страдать вѣчно призывающая. Постараемся не пренебрегать ни часами, ни минутами времени, которые хотя не такъ значительны въ общемъ счетѣ, какъ мѣсяцы и годы, однакоже въ самомъ дѣлѣ изъ нихъ то мѣсяцы и годы состоятъ; они то собственно и составляютъ, не годы токмо, но и самыя столѣтія, самые продолжительнѣйшіе періоды времени. Часы и минуты подобны мелкой монетѣ, которая и по мелочи расточительно издерживаемая, влечетъ за собою потерю значительныхъ суммъ. А что сказать, если сутками и недѣлями будемъ мы такъ швырять, какова должна быть тогда потеря наша сего драгоцѣннѣйшаго сокровища? Расточительность времени есть прямо лишеніе себя блажен-

ной вѣчности и уготовленіе себѣ вѣчности такой ужасной, что ни какія удовольствія жизни сей, на которыя мы, расточая, издерживаемъ наше время, не могутъ вознаградить потери нашей.

Покойный нашъ другъ, при помощи Божіей, такъ умѣлъ жить съ людьми, что воздавая всѣмъ должное, и имѣя въ виду не столько временную, сколько вѣчную пользу каждаго, пріобрѣлъ отъ всѣхъ живущихъ въ городѣ и уѣздѣ, имѣвшихъ съ нимъ сношеніе и неимѣвшихъ, любовь и уваженіе, какъ свидѣтельствуетъ помѣщенная въ предисловіи статья изъ вѣдомостей. Постараемся и мы, дабы и намъ по смерти нашей оставить тоже благоуханіе отъ житія нашего, — постараемся, живучи съ людьми, съ одной стороны нечеловѣкоугодничать, для снисканія похвалы, а съ другой не судить объ нихъ съ тою строгостію, которой недопускаетъ Христіанская любовь и ея снисходительная терпимость.

Покойный другъ нашъ преуспѣвалъ и во многихъ другихъ добродѣтеляхъ, кото-

рыя не могли не имѣть въ немъ мѣста при вышеупомянутыхъ главныхъ, глубоко пустившихъ въ немъ свои корни. Навыкнувъ подражать ему въ послѣднихъ, мы расположимъ себя къ упражненію и въ первыхъ. Одно изъятіе пересудъ въ обществѣ много бы уже содѣйствовало къ миру и спокойствію онаго, ибо безъ нихъ изчезли бы многія, связь общества разрушающія распри. Христіанская нравственность такъ много обязываетъ насъ къ воздержанію языка отъ пересудовъ, что еще мало успѣвшимъ въ необходимой Христіанину наукѣ сей оказывается тотъ, кто необуздываетъ языка своего, кто склоненъ къ злорѣнію.

Симъ преподаніемъ ближнимъ моимъ совѣтовъ моей любви полагаю конецъ моему слову.

ПРИМѢЧАНІЯ.

1-е. Ширинскими стали именоваться Князья Шихматовы съ 1802 года, когда Смоленское Депутатское собраніе изъ родословной Князей внесло сіе прибавленіе фамиліи ихъ въ ихъ дворянскую грамоту.

2-е. Гардемариномъ называется воспитанникъ Морскаго Корпуса, поступающій первымъ чиномъ въ морскую военную службу.

3-е. Эскадрою называется нѣсколько военныхъ судовъ, соединенныхъ подъ командою одного начальника.

4-е. Рупоромъ называется изъ жестянаго или мѣднаго листа свернутая труба съ широкимъ отверстіемъ на одномъ концѣ, у которой къ другому концу придѣлано мѣсто для вкладыванія устъ громкимъ голосомъ чрезъ сію трубу управляющаго кораблемъ офицера.

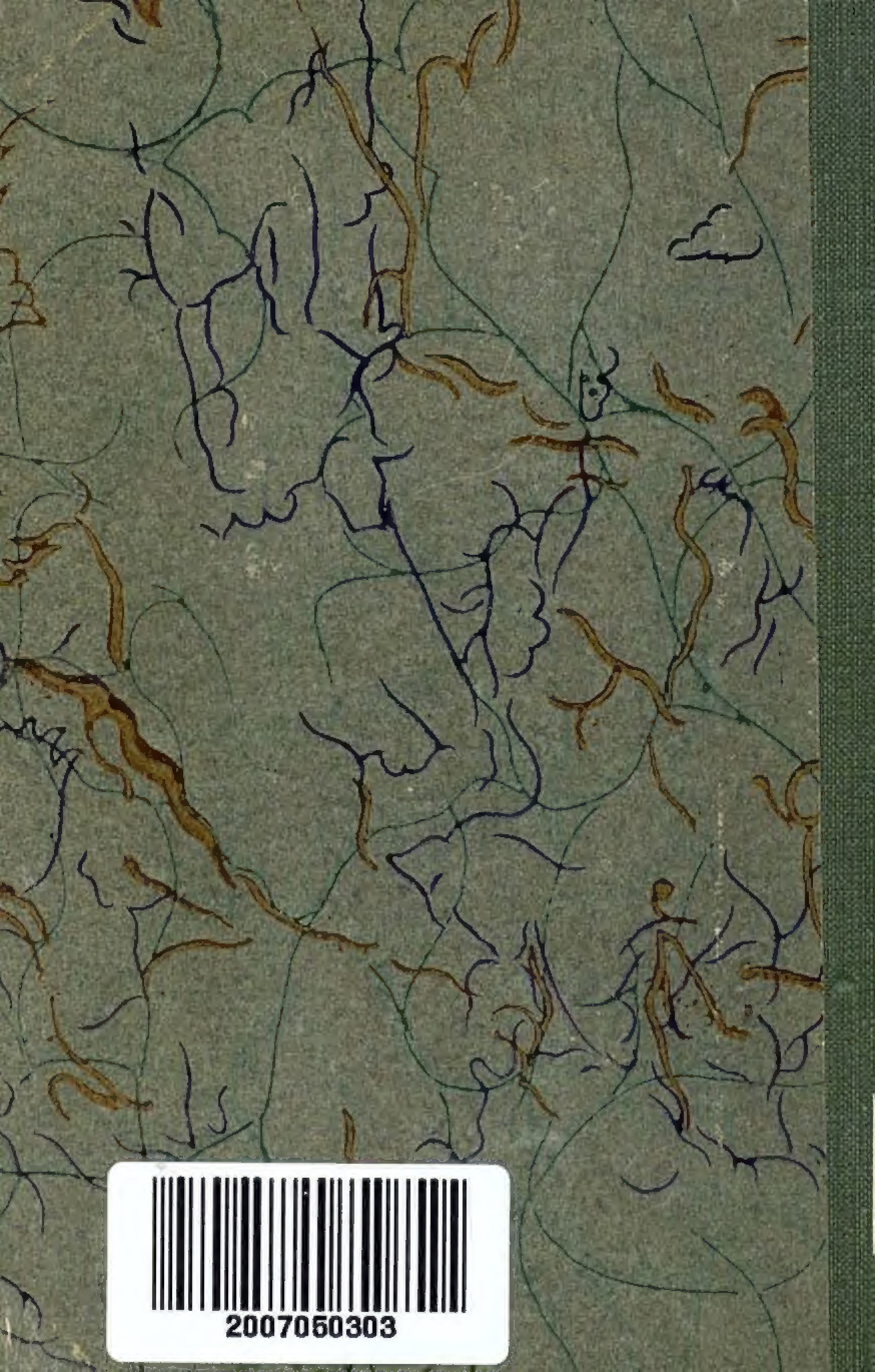
5-е. Смотри жизнеописаніе Князя Сергія Ширинскаго-Шихматова, въ монашествѣ нареченнаго Аникитомъ, скончавшагося въ Аѳинахъ въ Іюнѣ 1837 года.

6-е. Корпусный фрегатъ есть небольшее военное судно о трехъ мачтахъ. Корпусный бригъ есть также военное судно менѣе фрегата и лишь о двухъ мачтахъ.

7-е. Князь уволенъ былъ отъ службы Флота-Капитаномъ 2 ранга съ мундиромъ и пенсіономъ.

8-е. Чашу сію покойный Князь, по пріѣздѣ въ село Архангельское, мѣсто его жительства, принесъ въ даръ сельской церкви, для храненія въ ней Святыхъ Агнцевъ, заготовляемыхъ для преждеосвященныхъ обѣденъ, придѣлавъ къ крышкѣ крестъ, вмѣсто винограднаго грозда, который служилъ ручкою крышкѣ.

9-е. Число ревизскихъ душъ получившихъ отъ Князя свободу, было 88, а поступившихъ къ племяннику его 39.

2007050303